РОВЕСНИК

7
1980

РОВЕСНИК

© «Ровесник», 1980 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Июль, 1980, № 7

«В МОСКОВСКИХ ОКНАХ — ОЛИМПИЙСКИЙ СВЕТ» И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ, РАССКАЗЫВАЮЩИЕ О ТЕХ, КТО НЕС ОГОНЬ ДРЕВНЕЙ ОЛИМПИИ В СТОЛИЦУ НАШЕЙ РОДИНЫ — ОЛИМПИЙСКУЮ МОСКВУ

На первой странице обложки: парусная регата на Балтийском море. Здесь, на Балтике, будут проходить соревнования олимпийцев по одному из самых красивых видов спорта. Пожелаем им попутного ветра.

Попутного ветра тебе, Московская олимпиада!

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская, ул., 5а. Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 15.05.80. Подп. к печ. 12.06.80. А02672. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 1 150 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 732.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВЬЕНТЬЯН. «Московская олимпиада станет первой Олимпиадой, в которой примет участие наша республика, — сказал в беседе с корреспондентом ТАСС заместитель председателя Национального олимпийского комитета Лаоса Суваннарат Сайвоявонг. — Независимо от результатов участие лаосских спортсменов в этом состязании сильнейших, проводимом в столице первого в мире социалистического государства, явится свидетельством верности лаосцев принципам олимпийского движения».

ВАРШАВА. Массовое олимпийское движение польской молодежи проходит под лозунгами «Олимпийский старт», «Бег — это здоровье», «Олимпийская эстафета — Москва-80». В предолимпийском году в спортивных состязаниях участвовало более двух миллионов человек. Во время подготовки к Олимпиаде-80 родилось начинание проводить ежегодно «Дни олимпийца». В эти дни польские олимпийцы встречаются с молодежью, проходят показательные выступления, соревнования по массовым видам спорта.

ПРАГА. Большой популярностью пользуются международные спортивные соревнования школьников шестых классов в честь Олимпиады-80, в них принимают участие ребята из ГДР, Польши, Чехословакии и СССР. В середине мая прошли заочные финальные состязания. Олимпиаде-80 посвящено и спортивно-художественное представление, которое состоится в Праге, в нем примут участие 180 тысяч спортсменов.

ОСАКА. Девушки, которых вы видите на снимке, работают на предприятии крупнейшей японской фирмы по производству электронного оборудования «Сони». Несколько месяцев назад они получили уведомление об увольнении. Девушки обратились за помощью в профсоюз и после четырех месяцев упорной борьбы были восстановлены на работе. Это один из многих примеров борьбы японских женщин за свои права, правда, не всегда с таким успешным результатом. Так, еще тридцать три года назад в Японии был принят закон о равной оплате за равный труд мужчин и женщин, но до сих пор средняя заработная плата работниц составляет лишь 56 процентов зарплаты мужчин.

На снимке: японские девушки празднуют одержанную победу.

БЕРЛИН. Определены лучшие бегуны — победители массового спортивного движения «Олимпийская миля — для миллионов», которые получат путевки для поездки в Москву во время Олимпийских игр. Это только одно из множества спортивных мероприятий, которые проводятся в ГДР в рамках подготовки к Олимпиаде. Большой популярностью в республике пользуются телерепортажи «Олимпийская азбука дружбы», в которых освещается подготовка к Московским играм.

ХАНОЙ. Вся спортивная жизнь СРВ в олимпийском году проходит под девизом подготовки к Играм в Москве. Национальный чемпионат по футболу, первенство Ханоя по легкой атлетике, чемпионат по многоборью среди учебных заведений города Хошимина, школьная спартакиада по легкой атлетике, спортивные праздники, организованные федерацией профсоюзов Вьетнама, — все эти и многие другие мероприятия явились подготовкой к главному событию спортивного года — Московской олимпиаде. В республике с успехом идет кампания «90 предолимпийских дней», задача которой привлечь к физкультуре и спорту широкие массы трудящихся.

СОФИЯ. Молодежь Болгарии встречает спортивный праздник планеты в полной готовности. Тысячи юношей и девушек принимают участие в движении «Болгария-35 — Москва-80». Оно возникло в конце 1979 года, когда республика отмечала 35-летие победы социалистической революции, его цель — вовлечь в физкультуру и спорт самые широкие слои населения. В школах под девизом «Пионерский привет тебе, Москва-80» проходят соревнования и спортивные праздники.

ГРИНСБОРО. Недавно в этом американском городе состоялась массовая антирасистская демонстрация против активизации деятельности ку-клукс-клана. В этот день в городе было объявлено чрезвычайное положение, так как клан угрожал учинить демонстрантам кровавое побоище.

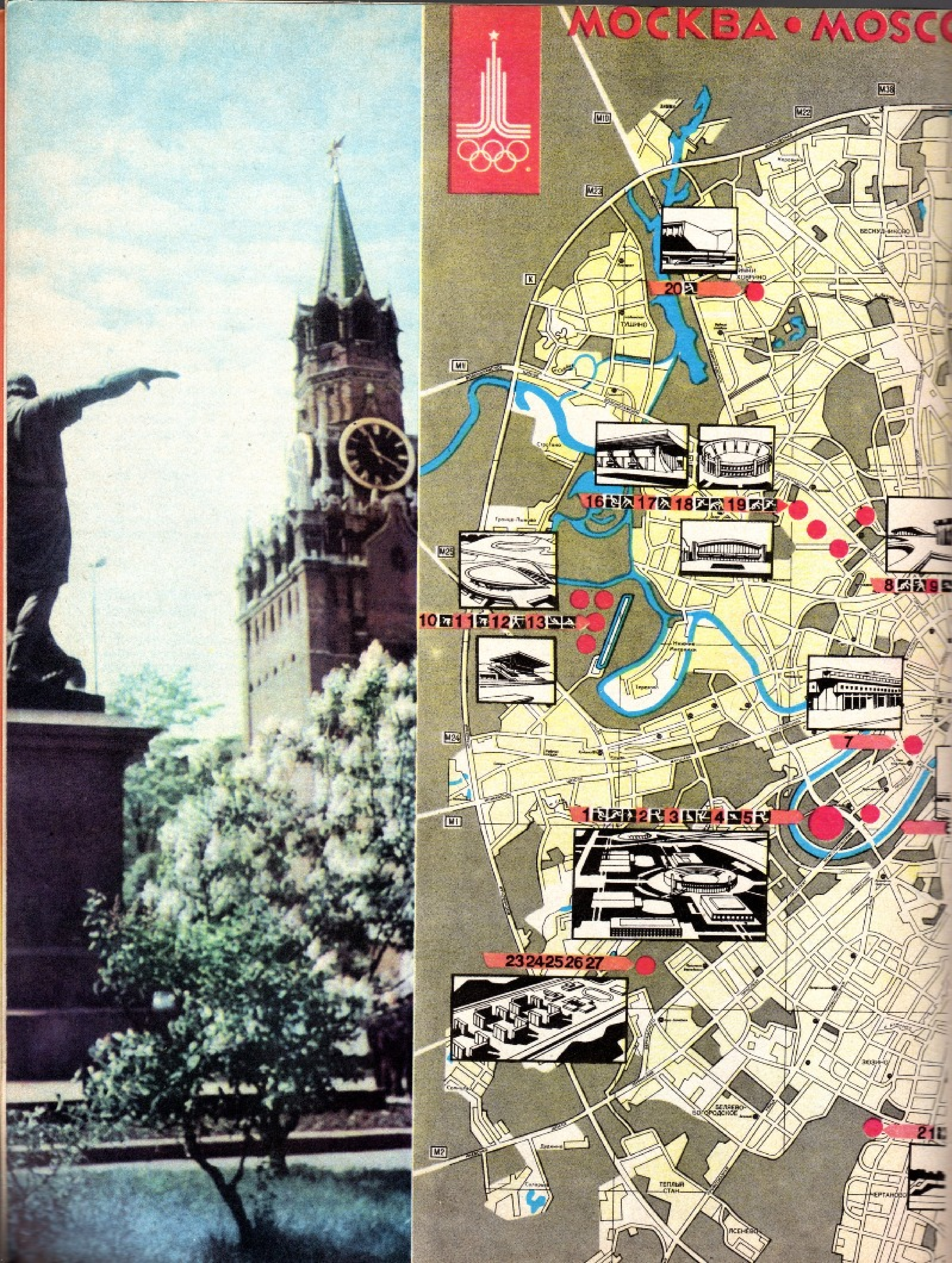
На снимке: «Запретить ку-клукс-клан!», «Искоренить расизм» — с такими лозунгами прошли демонстранты по улицам города.

ГАВАНА. Под девизом «Каждый кубинец — участник Олимпиады» по всей стране проходят соревнования трудящейся и учащейся молодежи. Победителей конкурса на лучшее знание истории Советского Союза, Олимпийских игр, столицы нынешней Олимпиады — Москвы, объявленного радиостанцией «Радио Ребельде», ожидают призы — путевки на поездку в СССР. Студенты Гаванского университета в честь Олимпийских игр в Москве совершили поход, начавшийся у здания Кубинского олимпийского комитета и завершившийся у монумента советскому воину-интернационалисту, где были возложены венки. Подготовка острова Свободы к Московской олимпиаде стала поистине всенародным движением.

УЛАН-БАТОР. Молодежь, ревсомольцы и пионеры столицы МНР посвятили предстоящей Московской олимпиаде 25-километровый поход, в котором приняло участие 160 тысяч человек. Международные соревнования по дзюдо, вольной борьбе, гимнастике и конькам, состоявшиеся в этом году в столице республики, проходили под лозунгом подготовки к Олимпиаде. Тысячи монголов приняли участие в викторине «Что вы знаете о подготовке к Олимпиаде-80?», которую проводил Центральный совет профсоюзов МНР, ее победители получили путевки для поездки в Москву олимпийскую.

ЛИССАБОН. Правые круги Португалии усиливают попытки ликвидировать завоевания революции: свести до минимума государственный сектор в экономике, ограничить результаты аграрной реформы. Левая газета «О Диарио» опубликовала документ, свидетельствующий, что министерство сельского хозяйства подкупало своих собственных служащих с целью ускорить передачу кооперативных земель их бывшим хозяевам — крупным землевладельцам. Рабочие, фермеры, молодежь полны решимости отстоять революционные завоевания: десятки тысяч португальцев приняли участие в демонстрациях и митингах в Лиссабоне, Порту, других городах страны, кооперативах Алентежу.

На снимке: португальские фермеры защищают свою землю, полученную в результате аграрной реформы.


МОСКВА • MOSC
М10
М22
М38
М23
М11
М25
М24
М1
М2
ТУШИНО
БЕСКУДНИКОВО
БЕЛЯЕВО-БОГОРОДСКОЕ
ТЕПЛЫЙ СТАН
ЯСЕНЕВО
20
16 17 18 19
10 11 12 13
8 9
7
1 2 3 4 5
23 24 25 26 27
21

OW • MOSCOU 1980
Информацию об олимпийских объектах
Москвы читайте на стр. 23.
22
28
15
14

В МОСКОВСКИХ ОКНАХ — ОЛИМПИЙСКИЙ СВЕТ

**Михаил ВОРОНИН,
олимпийский чемпион,
заслуженный мастер спорта СССР**

Мы дождались его заслуженно: пусть светит!

Этот священный огонь с Олимпа наши спортсмены давно уже несут в Москву: с тех пор, как 7 мая 1951 года МОК официально признал Олимпийский комитет СССР. Значит, 29 лет.

29 лет эстафету олимпийского огня одно поколение принимало у другого. И в руках у советских спортсменов он всегда горел сильно и ярко. Вот еще почему этот огонь священный для тех, кто принимает эстафету сегодня...

Но и 29 лет — неточный срок, короткий слишком, ибо начало олимпийскому движению в нашей стране положено было в декабре 1920 года, когда В. И. Ленин подписал постановление Совета Народных Комиссаров об учреждении в Москве Государственного института физической культуры.

А еще через пять лет, в 1925-м, было принято постановление ЦК партии, в котором подчеркивалось, что физическую культуру и спорт следует рассматривать как один из методов воспитания народных масс.

И, что особенно примечательно, еще тогда, более полувека назад, партия считала спорт одним из важных средств укрепления дружбы и взаимопонимания между народами.

Вот и получается, что нашему олимпийскому движению без малого 60 лет.

Конечно, участники I Всесоюзного праздника физической культуры — комсомольцы 20-х годов, славные ребята в сатиновых трусах и самодельных тапочках — не давали клятву олимпийца, но их жизненные принципы, идеалы и цели в спорте совпадали с теми, которые предложил и назвал клятвой верности основатель Игр современности Пьер де Кубертэн. И каждый физкультурник из той легендарной разноцветной колонны, шедшей по брусчатке Красной площади под музыку сводного оркестра, имел моральное право сказать во весь голос: «От имени всех спортсменов я обещаю, что мы будем участвовать в этих Олимпийских играх, уважая и соблюдая правила, по которым они проводятся, в истинно спортивном духе, во славу спорта и во имя чести своих команд». Но до Олимпийских игр было еще очень далеко: в республике разруха, голод, зимой нехватка дров... Впрочем, все это известно из учебников истории. Известно, но все-таки удивительно: какая внутренняя сила тянула их в спорт, на какие-нибудь подмосковные пустыри, где они ставили ворота и играли в сумерках в футбол? Ведь не потому же, что спорт просто отвлекал их от дневных бесконечных забот, от работы (спорт и сам нелегкий труд).

Он увлекал их сильно и таинственно — как, скажем, искусство: театр или музыка. Необъяснимые с самого начала, прекрасные и с практической точки зрения непонятные фантазии человечества.

Не будь этих фантазий у человечества, оно, вероятно, не лишилось бы своих материальных богатств, но, без сомнения, потеряло бы лицо.

Спорт — тайна. И спортсмен — разведчик, первооткрыватель таинственных и, видимо, беспредельных по сути своей физических резервов человека, о существовании которых мы догадываемся и о которых мало пока знаем...

История нашего государства в международном сообществе складывалась постоянно из взаимных открытий. И в том, как мир открывал нас, первую страну социализма, много было удивления. Но было и недоверие, настороженность или враждебность. Однако часто простое чувство — искреннее удивление — оказывалось сильнее прочего, и мир тогда гремел овацией. Так было с первой пятилеткой, с первыми нашими городами, построенными в чистом поле, и металлургическими гигантами, сданными на много лет раньше срока; с челюскинцами, папанинцами и перелетами Валерия Чкалова; так было с битвой за Сталинград и с Днем Победы; а позже с первым искусственным спутником Земли и первым человеком в космосе, Гагариным, и с первым атомным ледоколом...

Теперь спокойно можно написать: в 1952 году Советский Союз впервые направил в Хельсинки свою команду на Игры XV Олимпиады, и это был новый этап в истории олимпийского движения. Но тогда наши первые олимпийцы с волнением чувствовали, как же это важно и для всех нас, и для тех, кто сидел на трибунах, успешно выполнить благородную миссию дружелюбия и мира; как важно, чтобы всем и каждому стало понятно, что собой представляют люди из народа, который вошел в пожар войны, как входит крестьянин в свою горящую избу, и погасил его вот этими руками.

Спорт — радость жизни. «Умеют ли эти люди радоваться?» — спрашивали трибуны главного стадиона Финляндии. И брови поднимали удивленно, когда всходил на гимнастический помост Виктор Чукарин, артиллерист, фронтовик, узник фашистского концлагеря Зандбостель (№10491) — абсолютный чемпион Олимпиады 1952 года, обладатель золотых медалей в упражнении на коне и в опорном прыжке.

Возможно ли это? Реально? Четыре года в концлагере, где день был длинным, как век, и коротким, как смерть от пули надзирателя. Сколько жизни в этом человеке! Сколько к ней любви! Он и в Мельбурне стал чемпионом, на Играх 56-го года, и в Риме на первенстве мира...

Физические резервы человека — это и резервы его воли. Ведь без нее ему не совершить никакого достойного дела.

А откуда, из каких источников черпать ему резервы благородства, которое в спорте всегда на вес золота (ибо как раз великодушием и благородством славен спорт во все века). И еще, разумеется, духом честного, не отягощенного мелочностью или же спесью, хитростью или злобой соперничества. И конечно, ликованием и гордостью заслуженной победы.

Размышляя о том, чего достигла наша страна, какие силы она нашла в народе, какие таланты, мы могли бы не без пользы для себя (и других тоже) взять в свидетели спорт. У него свой, лаконичный и, главное, понятный всем на Земле язык: очки, секунды, метры, килограммы. Они говорят о том, какие условия, какие обстоятельства, какой строй возвышают человека и духовно и физически, дают возможность поверить

6 апреля 1896 года на Мраморном стадионе в Афинах Игры 1-й Олимпиады современности открыли легкоатлеты. Всего же участников было 311 из 13 стран. Национальным героем Греции стал первый победитель олимпийского марафона, письмоносец из Маруссы, Спирос Луис (на снимке он справа).

в свои силы, по-новому осмыслить свою жизнь.

Мир продолжает узнавать нас и удивляться. Только мы постепенно привыкаем к его реакции: он изменился, этот мир, в котором все более торжествует доброжелательность. А вспышки недоверия и ненависти? Они разжигаются искусственно, а потому в конечном счете и безрезультатно, теми силами, которые враждебны не только нашей стране и народу, но и своим народам, да и идеалам спорта.

Эта недостойная «работа» ведется с различным размахом в зависимости от обстоятельств. Но ведется она постоянно. От таких кампаний страдают прежде всего народы тех стран, правительства которых раздувают огонь неприязни. Самый свежий пример — шаги администрации США. Тех, кого вчера судили за отказ воевать во Вьетнаме, сегодня запугивают судебной расправой за естественное желание участвовать в Московской олимпиаде.

Вьетнамская агрессия — позорное пятно в биографии Соединенных Штатов. Бойкот Олимпиады тоже останется кляксой позора на страницах истории этой страны. Уверен, что молодежь Америки не приветствует подобные шаги своего правительства, всегда готового порассуждать о свободе личности...

Но доброжелательность честных людей торжествует, ее тепло согревает и радует нас всегда. Есть много тому примеров. Могу привести один из собственной жизни.

Помню, диктор мюнхенского телевидения, обращаясь к зрителям XX Олимпиады, сказал: «Мы хотим определить самую популярную команду Игр и просим вас помочь нам. Пожалуйста, как только вы услышите название наиболее близкой и интересной вам сборной, погасите свет в квартире. Наши сотрудники дежурят в энергетическом центре и по тому, как снизится нагрузка в системе, смогут сравнить популярность той или другой команды. Та, за которую проголосует большинство, станет гостем нашего телецентра».

Девяносто шесть процентов телезрителей «просигналили» за делегацию Советского Союза. И в тот миг лишь древнее пламя Олимпа, зажженное от солнечных лучей, сияло над городом. Мы этим гордились. И не только мы, я знаю, но и те, кто встречал команду в Шереметьеве с цветами и на летних улицах Москвы. А потом на заводах и в школах, где я выступал. И до сих пор еще выступаю... И до сих пор приходят письма из разных стран и городов от мальчишек: спрашивают, как тренироваться, чтобы стать?.. А я отвечаю: упорно. С любовью. Ибо только любовь способна преодолеть боль неудач, горечь травм и усталость...

В Мюнхене мы завоевали 50 золотых медалей. И вторая, неофициальная, правда, но тоже важная победа нашей сборной — симпатии зрителей. А их одними только секундами и километрами не завоюешь.

Спорт родился в сердцах человечества как самый честный способ единоборства. Спортсмены добиваются своей цели на глазах миллионов зрителей в открытой борьбе. И в эти минуты высочайшего напряжения человеческих сил болельщики видят сами, кто есть кто, и уже не верят газетным легендам о советских людях-роботах, которые ходят в лаптях и не знают, в чем смысл жизни... К счастью, и эти легенды, и их составители выглядят сегодня пережитком далекого прошлого.

И как это ни парадоксально звучит, но так же подчас выглядят и те, кто пытается заглянуть в олимпийское будущее. Я слышал мнения некоторых буржуазных ученых-футурологов. Один французский профессор говорил, например: «В один прекрасный день люди скажут себе: «Стоп! Мы уже приехали. Нам некуда спешить и торопиться. Уже в беге на 100 метров показан результат 9 секунд, и электронные машины подсчитали, что из этого круга спринтер не вырвется никогда. То же самое произошло и в других видах спорта — плавании, тяжелой атлетике и так далее. Все, что нам было дано открыть, свершить и доказать, уже открыто и доказано. Поэтому давайте отменим все Олимпиады и помянем их добрым словом: когда-то нашим близким предкам они доставляли радость. Но предки слишком спешили и ничего не оставили на нашу долю. Никаких открытий. Что же делать, господа, что же делать? Давайте опустим флаг Олимпиады. Последний раз. И навсегда».

Я думаю, что ни один олимпиец с профессором не согласится. Во-первых, потому, что мы пока имеем относительное представление о том, что такое истинные возможности человека. А во-вторых, и это главное, Олимпиады показывают миру и физические и мыслительные (да-да, и мыслительные) возможности человека будущего. И потом, нельзя забывать простую истину: «Олимпиада — не только для олимпийцев». Много раз я и сам был болельщиком и задыхался от глубочайшей радости, которую дано испытать лишь тогда, когда далеко от родных берегов твой соотечественник победой возвышает себя, свою страну и тебя самого. Непременно тебя самого. Почему это происходит? Постараюсь объяснить.

От Римской олимпиады 1960 года, кроме воспоминаний, остался еще такой интересный факт для социологов и психологов... Ни один город

Олимпийские игры в Париже в 1900 году были самыми длинными во всей олимпийской истории: они продолжались пять месяцев (с 20 мая по 28 октября)! Впервые в Играх участвовали женщины: шесть спортсменок разыгрывали первенство в соревнованиях по теннису и гольфу. Первой чемпионкой стала англичанка Шарлотта Купер, выигравшая теннисный турнир.

мира не выставил на Игры в Риме столько спортсменов, сколько Ленинград. Великой чести удостоился этот город. Большинство ленинградских олимпийцев, приехавших в столицу Италии с ее сказочным небом и ласковым солнцем, отлично помнили блокаду с ее бомбежками, голодными пайками, стужей, смертью. Помнили, как кружится голова, когда поднимаешься на второй этаж. И как выглядит талон на 100 граммов хлебушка... Что это были за люди, ленинградские олимпийцы?.. Какое светлое в них было стремление утвердить себя! Они представляли народ, который видел на своем веку все и все одолел. И этим он прежде всего знаменит.

Годы, проведенные в спорте, убедили меня: нет в мире людей неспособных вообще. Просто есть люди, которые довольствуются тем, что имеют сегодня. Когда-то они выработали для себя привычные нормативы и не научились их превышать и ломать, если надо. Так пусть будет больше людей, умеющих ставить дальнюю цель и идти к ней с остановками, неудачами, ушибами и отступлениями. Но все-таки идти!

Вот для чего еще нужны Олимпиады: для таких путников!

Ученый и фантаст Артур Кларк назвал очень осторожную цифру: нам нужно семь тысяч лет, чтобы освоить другие планеты. Есть ученые, которые убеждены, что это произойдет гораздо раньше. Какими будут те добровольцы — первые поселенцы новых планет? Ясно, что далекие потомки возьмут что-то и от героев наших дней — космонавтов, землепроходцев, мыслителей. И от спортсменов тоже. Я уверен.

Но не только космосу нужны разведчики. Нужны они и земле. И в самом себе многое предстоит разведать и открыть человеку.

Вот почему наука так пристально приглядывается к спорту. Это не просто интерес антропологов и физиологов, «болеющих» за какую-то команду и старающихся ей помочь. Эта команда — все человечество.

Вспомним Юрия Власова.

Боба Бимона и Валерия Брумеля.

Владимира Куца и Джесси Оуэнса.

Вспомним Наташу Кучинскую и Виктора Санеева. Их страдания, муки, труд и мгновения нашего общего счастья.

Все это спорт. И все это жизнь. Прекрасная и суровая, со своими олимпийскими законами борьбы и со своим кодексом чести, жизнь, где особенно явственно чувствуешь локоть товарища по команде и локоть соперника, всегда готового обойти тебя на вираже...

Время безжалостно к спортивным рекордам. Но человек, установивший их, в награду получает от спорта нечто такое, что согревает его

III Игры проходили в американском городе Сент-Луисе. Победителем в поднятии штанги стал грек Перикл Какусис. А в метании гири никто в Сент-Луисе не мог соперничать с Этьеном Демарто (Канада).

всю жизнь. Наверное, лучик олимпийского огня?..

19 июня 1980 года в 12 часов по московскому времени к алтарю Зевса приблизилась главная жрица в белой тунике и с венком из оливковых ветвей. От солнечных лучей она получила чистое и яркое пламя — олимпийский огонь Москвы.

И от подножия храма Геры под звуки торжественной музыки процессия с огнем прошла по длинному коридору из тесаных глыб, направляясь к древнему стадиону — первому стадиону Европы, где много веков назад состязались в искусстве спорта древние эллины. И как память о давних страстях здесь остались трибуны — поросшие густой травой откосы. В торжественном молчании участники церемонии почтили память героев античных Игр, подаривших Олимпии вечную славу.

Ведь что такое Олимпия в географическом смысле слова? Всего лишь местечко в пятнадцати километрах от Ионического моря. А сколько на свете таких же маленьких, но безвестных городов или сел! Тысячи. Но этой древней греческой земле спорт первой подарил бессмертие, как много раз потом дарил его людям и землям. А разве можно назвать всех влюбленных в него, кому веками приносил он радость и горе — ощущение жизни? И сегодня приносит, как и в 776 году до нашей эры — с этого времени ведется летосчисление Олимпийских игр...

Возродились Игры в прошлом веке. Это не было чудом, потому что во всех поколениях людей Земли и в каждой честной душе всегда горел огонек желания борьбы «во славу спорта и во имя чести своих команд».

И сегодня этот факел над Москвой. Мы дождались его заслуженно: пусть светит!..

А в конце я хотел бы сказать несколько слов о людях, чьи имена и судьбы — в очерках этого номера «Ровесника», о нескольких из сотен тех, кому выпало счастье и честь, представляя свои народы, нести в Москву эстафету олимпийского огня. Их выбор может показаться случайным — греческий и румынский спортсмены, болгарский комсомолец, подмосковный агроном. Но именно в этом выборе закономерность, ибо все они независимо от личных достижений в спорте по своим человеческим качествам олимпийцы — люди чистых помыслов и щедрых сердец, трудолюбия, воли, люди, представляющие большинство человечества.

Вот почему факелоносцы, о которых написаны очерки, такие же участники Олимпийских игр, как и те, кто приедет в Москву устанавливать рекорды, как и те миллионы землян, для которых Московская олимпиада — праздник.

РЕКОРДЫ ОТЦА И СЫНА

Евгений ПЕТРОВ,
корр. ТАСС в Греции —
для «Ровесника»

Отец всегда мечтал таким увидеть сына: сильным и стройным, похожим на молодого бога, изваянного древним скульптором...

И увидел: 30 января этого года Гиоргос появился на беговой дорожке афинского стадиона «Панатинаикос» ровно в 16.30 по местному времени. Трибуны замерли в ожидании торжества. Высокий, в ярко-оранжевом спортивном костюме Гиоргос держал над головой олимпийский факел. В его беге было нечто благородное: так бежит молодой олень. Пристальное внимание стадиона будто лучами освещало бегуна, и он двигался в невидимом этом ореоле и, несомненно, чувствовал его.

Потом двадцатилетний грек Гиоргос Вамзакас передал огонь седым спортивным джентльменам — представителям делегации города Лейк-Плэсида — организатора XIII зимних Олимпийских игр.

Это была среда, и соседи еще не вернулись с работы, поэтому не все в квартале, где живут Вамвакасы, смогли по телевизору увидеть бег факелоносца по стадиону «Панатинаикос». Но старики, которые сидели дома, конечно, включили спортивную программу в этот час. А когда она кончилась, они по привычке подвинули стулья к окну (курящие взяли трубки) и стали наблюдать за улицей: эта программа для стариков была самой долгой и любопытной. Через час они заметили на тротуаре своего соседа Панайотиса Вамвакаса, отца факелоносца Гиоргоса. Панайотис был в новых башмаках, они скрипели. И отличные брюки сидели на нем, как на юноше. «Наверное, английское сукно», — решили старики. Каждый сделал из окна приветственный жест рукой. Панайотис в ответ улыбнулся. Один сосед сказал, когда Вамвакас проходил мимо его домика:

— Привет тебе, Панайотис, я видел бег твоего мальчика. Это бег олимпийца.

Другой сосед распахнул окно, услышав разговор. В руках у него была газета.

— Доброго здоровья вам и вашей семье, уважаемый! — крикнул он Вамвакасу. — Вы покупали сегодня газеты? Здесь пишут, что ваш Гиоргос — «золотая надежда греческого спорта».

— Спасибо, это я читал, — сказал Панайотис.

— Пожалуйста, — сказал сосед, — просто газеты редко пишут правду. А это чистая правда: ваш сын должен стать олимпийцем.

«Дай-то бог», — подумал отец.

Дома он снял новые башмаки и сел в старое кресло. Ноги отдыхали. Панайотис прикрыл глаза ладонью и начал вспоминать...

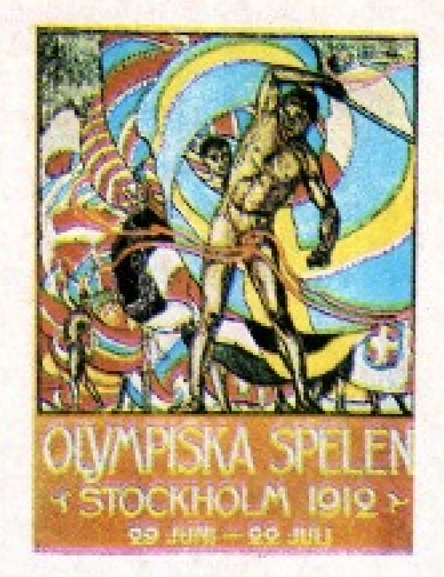
На лондонских снимках со стадиона «Уайт-Сити» вы видите финиш героя IV Игр, итальянского кондитера Дорандо Пиетри, а также безвестную любительницу спорта — участницу показательных выступлений.

IV

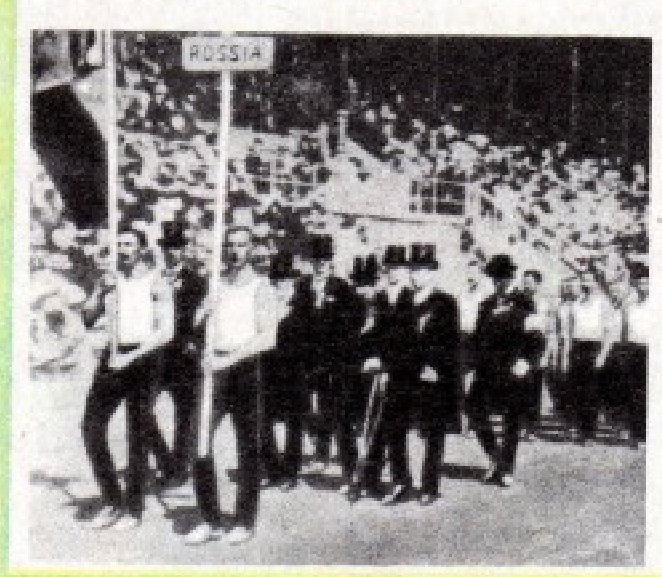
Сын Гиоргос — его продолжение. За Панайотисом тоже когда-то следили трибуны внимательно. Только он держал в руке не факел, а мяч: в юности он был вратарем в клубе АОК — команде района Кифисья в Афинах. Маленький сын был для него талисманом: Панайотис брал его на матчи, усаживал на скамейку, давал жевательную резинку и говорил на ухо: «Гиоргос, вся надежда на тебя. Как ты думаешь, мы сегодня победим?» Гиоргос делал из резинки пузыри и улыбался...

Потом вся команда района Кифисья заваливалась в маленькое кафе праздновать победу. Хозяин в белом фартуке кричал: «Футболистам — за счет заведения!» А маленький Гиоргос пил мандариновый сок, обнимая стакан ладошками.

Домой Панайотис нес его на плечах. Ноги гудели в старых ботинках. Но это были счастливые вечера, от которых до сих пор в воспоминаниях горько пахнет цветущий миндаль. В те годы он еще не расстался с мечтой стать большим футболистом: его бросками в дальний угол ворот любовался весь район. Панайотис был прыгуч. Но сегодня спорт требует от человека полной отдачи времени и сил. Иных условий он не принимает. И силы были у Панайотиса, и талант вратаря, но временем своим свободно распоряжаться он не мог: на его плечах, кроме малыша Гиоргоса, была каждодневная нелегкая работа, дом, жена и маленькая дочь.



На V Олимпийские игры в Стокгольм Россия направила 17 человек. Они выступали почти во всех номерах программы: стрелки завоевали две медали, команда по стрельбе из дуэльного пистолета стала серебряным призером. ...А вот так награждали победителей.



V

На открытии VII Игр в Антверпене (Бельгия) впервые была дана олимпийская клятва. Ее произнес известный бельгийский ватерполист и фехтовальщик Виктор Буан. И там же впервые был поднят олимпийский флаг с пятью переплетенными кольцами голубого, желтого, черного, зеленого и красного цветов. А чемпионами в перетягивании каната стали атлеты Великобритании.

VII

Однако добровольное прощание с мечтой означало бы поражение без игры. А Панайотис смириться с этим не мог. И это качество он передал сыну. И дал себе слово: сделать из Гиоргоса большого спортсмена. Но чтобы передать другому, пусть даже близкому, человеку свою хрустальную мечту как эстафету, надо очень верить в наследника. И в свои силы тоже. Ведь когда Панайотис в 1972 году привел на стадион двенадцатилетнего сына и попросил включить его в состав своей команды АОК, он знал, какие в будущем берет на себя обязательства. Пока сын не вырастет в большого спортсмена, никакие государственные учреждения помогать ему не будут. Только семья. А что принесет он семье Вамвакасов, кроме короткой спортивной славы, какие доходы? И ради чего отец, сестра и мать должны жертвовать своими силами, временем и средствами? Ради колонки спортивной хроники в вечерних афинских газетах, ради трехминутной телепередачи об их сыне и брате? О эти бесплодные вопросы, как они терзали душу Панайотиса! Но олимпийская мечта его юности была сильнее. По вечерам, сидя в старом кресле, отец рассказывал Гиоргосу исто-

рии про I Олимпийские игры современности, которые проходили в их родных Афинах в 1896 году на Мраморном стадионе.

Потом отец брал книгу с полки и зачитывал для сына (жена и старшая дочь смотрели телевизор): «Тысячи цветов и подарков были брошены к ногам победителя, героя I Игр, марафонца Спироса Луиса. В воздух поднялись тысячи голубей, несущих ленты цвета греческого флага. Люди хлынули на поле и стали качать чемпиона. Чтобы высвободить Луиса, наследный принц и его брат спустились с трибуны навстречу чемпиону и отвели его в королевскую ложу...»

Видя, что сын засыпает, Панайотис книгу закрывал, но Гиоргос сонным голосом просил почитать еще...

«Согласно античной традиции Игры начали легкоатлеты. Первым олимпийским чемпионом современности стал американский спортсмен Джеймс Коннолли. Он завоевал золотую медаль в тройном прыжке (13 м 71 см). Коннолли прыгнул на целый метр дальше серебряного призера Олимпиады француза Александра Тюффера...»

В 1976 году Гиоргос впервые принимал участие в соревнованиях по легкой атлетике в городе Драма. В тройном прыжке он показал приличный результат для новичка — 13 м 58 см. А в длину — 6 м 51 см.

— Видите, из него получается легкоатлет, — сказал тогда Панайотис жене и дочери. И, довольный, уселся в кресло.

— Такой же легкоатлет, как из тебя футболист, — проворчала жена Марьянси, домохозяйка.

— Если у тебя плохое настроение, не порти нервы всей семье, — сказал отец, вытягивая ноги, чтобы они отдыхали.

Мать ворчала, но в главном была с отцом согласна: сыну надо помогать. Чемпионом он сразу не станет. А если бросит спорт, едва столкнувшись с первыми неудачами, то и другие занятия в жизни будет так же легко бросать, это станет дурной привычкой, и ничего он в результате не добьется. Да и потом, где, как не в спорте, сможет Гиоргос увидеть мир? Вон он уже был в Анкаре, в Италии, в Польше...

Золотую медаль, завоеванную в 1979 году в Быдгоще (Польша) на юношеском чемпионате Европы, разглядывали всей семьей. Гиоргос пробежал 400 метров с барьерами за 50,67. (Вторым был наш юниор Чижиков, третьим — француз Голеор. Что это за результат — 50,67? Для юниора вполне приличный. Конечно, от уровня мировых стандартов он далек: наш лучший барьерист, призер мировых и европейских чемпионатов Василий Архипенко преодолевает 400 метров за 48,35. Вот эту пропасть в две секунды еще предстоит перепрыгнуть Вамвакасу, чтобы оправдать ожидания всей семьи.) Но это было началом, первым шагом по дороге в большой спорт, где все большое: нагрузки, результаты и потери. В отличие от отца, Панайотиса, он мог свободно распоряжаться своим временем, целиком отдавая его своей королеве — легкой атлетике: Гиоргос только учился и тренировался. Отец к тому времени скопил немного денег и открыл столовую на соседнем заводе «Хекст». Конечно, рабочая столовая — это не ресторан, да и заводик не гигантский, и поэтому помощь Гиоргоса была отцу необходима (тем более что дочь Елпиза вышла замуж и занималась собственной семьей). Но Панайотис был упрям, и жена с ним не спорила. Они ведь сами решили на семейном совете: пусть их сын Гиоргос оправдает надежды греческого спорта. Это святое дело. Не следует препятствовать таланту. Да и потом с тех пор, как мальчика включили в сборную страны, он перестал платить за тренировки: на лучших стадионах Афин он может заниматься бесплатно. Но даже если бы за бег с барьерами пришлось платить из семейного бюджета, отец пошел бы и на это — такой упрямый человек!

— Интересно, сколько в ней граммов чистого золота? — задумчиво спросила мать, разглядывая дорогую всем награду сына.

— Она вообще-то настоящая? — усомнилась недоверчивая дочь, которая пришла поздравить брата.

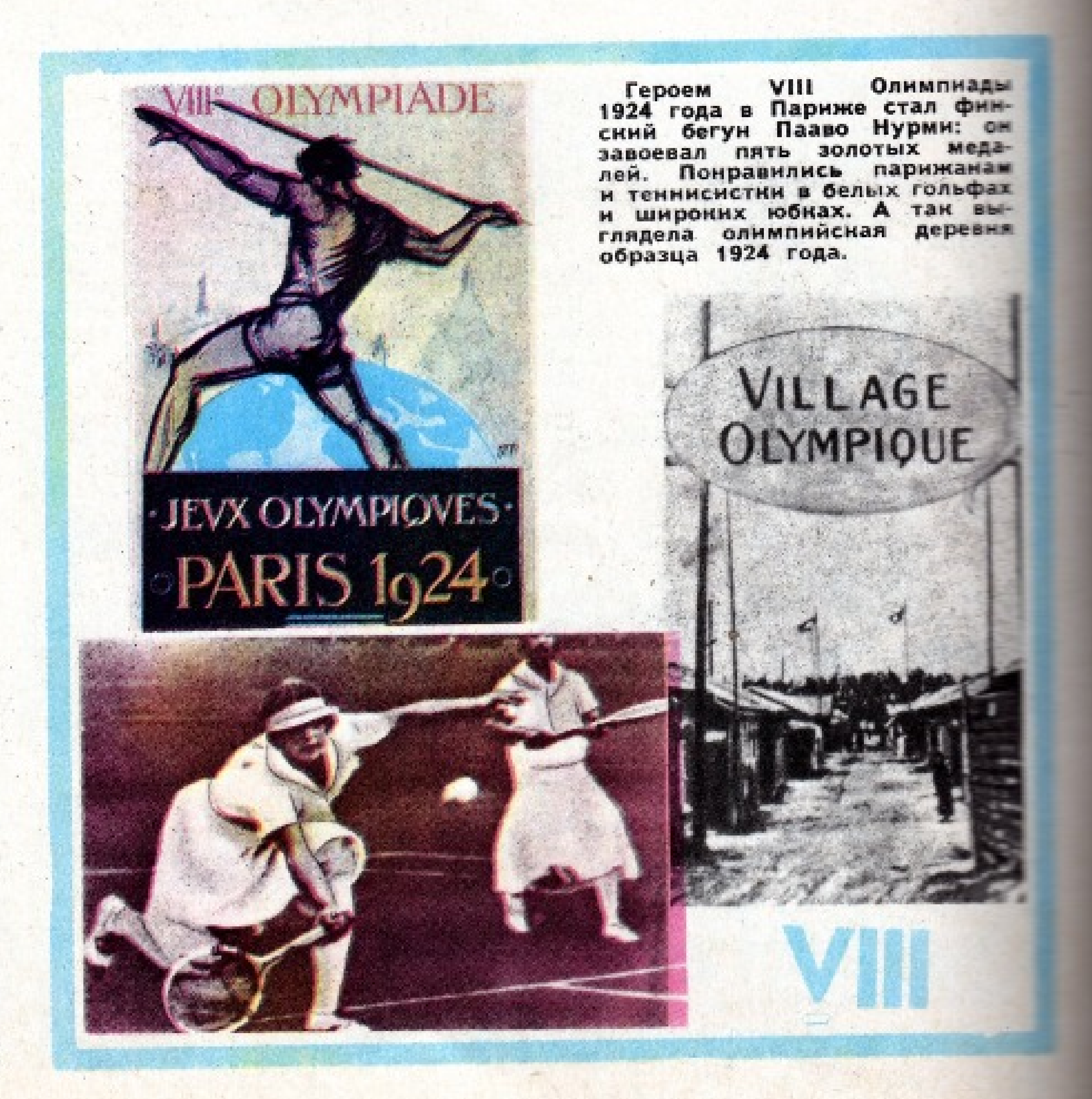
— Настоящая, — строго сказал отец.

Один Гиоргос молча улыбался. Он знал ей цену. Знал, как болят колени и от напряжения ноют ахиллесовы сухожилия. И как маховая нога бьется о барьер, когда он падает при неудачном прыжке... Но ведь это последнее дело: жаловаться на дороги, которые мы выбираем.

Гиоргосу Вамвакасу — надежде греческого спорта — доверили нести по Греции факел Московской олимпиады.

...Когда мы встретились на стадионе «Караискаки» и я объяснил Гиоргосу цель своего приезда — интервью с факелоносцем, он сказал:

— Передайте читателям «Ровесника» мое пожелание: пусть Олимпиада-80 в Москве будет лучшей из всех до сих пор проводившихся в мире. Я жду того дня, когда ступлю на московскую землю. Это будет мой первый приезд в Советский Союз. Еще в 1977 году я хотел поехать в Донецк, на юношеский чемпионат Европы, но тогда меня не включили в состав сборной. И вот прошло три года, я чему-то научился в легкой ат-



Героем VIII Олимпиады 1924 года в Париже стал финский бегун Пааво Нурми: он завоевал пять золотых медалей. Понравились парижанам и теннисистки в белых гольфах и широких юбках. А так выглядела олимпийская деревня образца 1924 года.

летике и могу надеяться на участие в Олимпиаде. А это, как говорил барон де Кубертэн, главное.

Отец Вамвакаса, мне кажется, добился своего: он воспитал человека, преданного спорту. Остальное сделает сам спорт.

Об этой преданности говорит рабочий день Гиоргоса: с утра он занимается в Академии физического воспитания (Вамвакас — лучший студент 3-го курса). Затем небольшой отдых — и пятичасовая тренировка. Ежедневный бег с барьерами (включая воскресенье) на афинских стадионах «Караискаки», «Олимпиакос» и «Калогреза».

«Жизнь, — говорит Гиоргосу отец, — это тоже бег с барьерами, сынок».

— Еще в детстве дух борьбы захватывал меня. Не думал о чемпионских лаврах, хотя хотелось чем-то походить на таких бегунов, как ваш Борзов, итальянец Меннеа, финн Вирен. Из греческих спортсменов моими кумирами были марафонец Кусис и спринтер Папагиоргопулос. Чем они поражали? Преданностью спорту. Постоянным настроем только на победу. Для них, я думаю, спорт всегда был не частичкой жизни, а самой жизнью. Иначе бы они не достигли хороших результатов в единоборстве с сильными противниками. В постоянных тренировках человек крепнет физически и духовно. А победа еще и доставляет чувство радости. Разве все это вместе потеря времени?.. Я, например, именно за такую потерю. И меня в этом поддерживают отец, мать и сестра. И не только морально и на словах. Что бы делал я без их поддержки? Попросту говоря, нужны деньги для этого очень дорогого удовольствия. И мне оказывают помощь родители. Как же я могу не оправдать их надежды? Я же вижу, как они на стадионах «болеют» за меня. И каждая моя победа — это их победа. Наша общая семейная радость...

Спорт — это благо, к которому должны прикасаться с чистой душой. Ничего общего не имеет с ним политическая суета вокруг бойкота Олимпийских игр в Москве. Я за честное соревнование, сотрудничество. Пусть всех людей Земли — и белых и черных — объединяет олимпийская идея, идея борьбы во имя мира и счастья...

Каждый рекорд, тобой установленный, не дает спокойно жить, требует настойчиво: «Гиоргос! Иди вперед, не стой на месте», — сказал он сам себе, как учил его отец Панайотис.

...Он уходил по гаревой дорожке, высокий и стройный, надежда греческого спорта. А мы стояли с его тренером Гатзиасом и смотрели Вамвакасу вслед.

— Он талантлив, — сказал Гатзиас. — Вы увидите это в Москве.

Афины

И ЭТО ЕГО ЗЕМЛЯ

Эдуард ЗОРИНЯНЦ,
соб. корр. «Комсомольской правды» в Софии — для «Ровесника»
Фото Пламена ТОДОРОВА

Взгляните на карту Болгарии: видите, как много густо-коричневого на юг и юго-восток от Софии, как редки здесь голубые жилки речек. Да, ручьев и рек здесь немного, и они далеко не такие полноводные, как на равнинах. Но у них есть одно неоспоримо ценное для энергетики качество — они текут на больших высотах. Это и подсказало болгарским инженерам идею собрать воду речек в высокогорное водохранилище, а потом спускать ее вниз по каскаду гидростанций. Конечно, осуществить такую идею очень непросто. Проложить по кручам дороги к местам строек, пробить высоко в горах десятки километров тоннелей и каналов — на все это нужно время, очень много времени. Поэтому стройка разворачивалась медленно и трудно. Но к лету 1974 года дело уже шло полным ходом, в тресте, возводившем комплекс, работали многие сотни людей, в основном молодежь.

На сегодня первая очередь комплекса построена, идет подготовка к сооружению второй. Есть теперь высокогорное водохранилище Белмекен, в строю каскад гидроэлектростанций общей мощностью 755 тысяч киловатт.

Этот урок экономической географии преподал мне Стоян Говедаров — секретарь комитета ДКСМ гидроэнергетического комплекса Белмекен — Сестримо, сам бывший учитель физкультуры.

Все четыре года, что Стоян здесь секретарем, комплекс «Белмекен — Сестримо» входит в число семи национальных молодежных объектов Болгарии.

По предложению Говедарова каждый год проводится высокогорная легкоатлетическая эстафета вокруг водохранилища Белмекен, в которой участвуют сборные всех этих семи национальных объектов. В гости к строителям регулярно приходят члены олимпийской сборной Болгарии... И хотя Стоян не считает себя ветераном стройки, его участие в сооружении комплекса отмечено знаком «Отличник министерства строительства».

А совсем недавно Говедаров получил признание и своих спортивных заслуг. Большое признание: его избрали кандидатом в олимпийские факелоносцы. И вслед за этой торжественной новостью пришла другая, и лицо Говедарова стало задумчивым. Ему сообщили: твой этап будет проходить у города Белово, мимо памятника партизанам. Трени-

руйся, знакомься с трассой. Стоян ответил: хорошо. И не стал по телефону объяснять, что эта трасса ему давно знакома — он родился в Малко Белово. И не только он: все Говедаровы родом оттуда...

Но все равно на другой день после того телефонного разговора он рано утром сел на первый автобус и поехал на свой участок олимпийской трассы. Он бегал тысячи раз по этой дороге в детстве. Он шагал по ней десятки раз, когда был солдатом. Сотни раз он проходил мимо этих деревьев, столбов, указателей, когда был учителем физкультуры в средней школе.

Как олимпиец на эту землю он ступал впервые. Кроссовки делали его походку пружинистой даже на обычном асфальте. Но в ту минуту он не думал о технике предстоящего бега.

О чем он думал, Стоян Говедаров, положив цветы на камни к подножию памятника болгарским партизанам возле города Белова? Стоян принес цветы отцу и деду, потому что это они были болгарскими партизанами: дед в 20-е годы, отец в 40-е. И жизнь Стояна — прямое и счастливое продолжение их судеб. Продолжение, которого могло бы и не быть, если бы сердца его близких не горели огнем свободы. Но они горели. Их свет до поры скрывался за склонами гор, в краю полунищих пастухов и безземельных батраков. Любовь к свободе и отвага всегда отличали истинных горцев. Не раз вставали они на борьбу и в годы османского ига, и против притеснений царских властей. А когда в сентябре 1923 года по всей Болгарии вспыхнуло восстание против фашистских правителей, одной из первых поднялась беднота Белова и окрестных гор. На маленькой площади в центре Белова стоит реликвия тех дней: крестьянская пушка на высоких тележных колесах, которую повстанцы смастерили из ствола черешни. С такой вот пушкой отряд сельца Малко Белово двинулся на штурм соседнего городка Саранбей (теперь это город Семптември). Во главе отряда шел Стоян Говедаров, рабочий местных каменоломен, дед Стояна. Бедняк из бедняков, отец большого семейства. Стоян Говедаров не состоял в коммунистической партии. Но он шел биться за справедливость, за счастье своих детей, за землю, которой сам никогда не имел.

Саранбей встретил повстанцев винтовочными залпами. Пушка с деревянным стволом оказалась бессильна против стального пулемета. Отряд Стояна Говедарова был разбит в первом же бою, а его самого, раненного, схватили каратели. В тот же день военно-полевой суд приговорил Стояна к расстрелу. А на рассвете в камеру смертника вошел солдат с винтовкой.

— Выходи!

— Ты ли это, Васил? — Стоян не сразу рассмотрел лицо солдата. — Так вот чьими руками они нас убивают!

Васил ответил не сразу. Почти три года до службы в царской армии он работал вместе со Стояном в каменоломнях. С ним, вечно голодным подростком, Говедаров изо дня в день делился своим завтраком. И вот теперь Василу приказано вести этого человека на расстрел.

Васил ответил не сразу. А когда заговорил, они были уже далеко в горах. Как ни боялся Васил ослушаться начальства, этого приказа он не выполнил...

Теперь каждая тренировка олимпийского факелоносца поневоле наполнялась воспоминаниями: все, что рассказывала в детстве мама, снова представлял себе Стоян. Но представлял уже как взрослый, осмысленно и благодарно. И на жизнь деда, отца, их товарищей по оружию смотрел не глазами восторженного мальчишки, которому пересказывают приключенческий фильм с погоней и стрельбой... Стоян для себя изучал их биографии как составные, невозможные в отдельности частицы одной большой судьбы — судьбы его болгарского народа.

Отважным бойцом был и отец Говедарова, Александр. Три года, с 41-го по 44-й, он возглавлял сельскую ячейку нелегального Рабочего молодежного союза (РМС). Все время, пока шла освободительная борьба, был ятаком — помощником партизан...

Всего пять лет прожил Александр Говедаров после победы революции 9 сентября 1944 года, но оставил в наследство детям очень много: он оставил им свободу.

Когда семья потеряла кормильца, старшему из детей, Стояну, было чуть больше года, а младшей его сестренке только месяц.

— Все наши беды были от бедности, — сказала мать Стояна Говедарова, когда мы с ним пришли в родной его дом. — Муж мой в детстве голодал, а работы было много. В нашем поколении у многих такая судьба... Стоян отца совсем не помнит, — грустно улыбнулась она и посмотрела на взрослого сына.

Он промолчал. А я подумал, что это не совсем верно: внешность отца годовалый ребенок, конечно, не может запомнить. Но ведь существует в человеке и другая память... Мать, например, не сомневается, что сын унаследовал от ее Александра отвагу и стойкость.

Идеалы отца стали его идеалами. Но жизнь теперь пошла совсем дру-

Халина Конопацкая из Польши — чемпионка IX Олимпиады (Амстердам, 1928 год) в метании диска. И вновь великолепно выступил финский спортсмен Пааво Нурми (на снимке он в центре).

гая. И заботы в ней были другие, мирные, милые сердцу матери заботы ее детей.

— Какое счастье жить в мире, где можно увлекаться спортом, например, как мой Стоян, — сказала мать и рукой указала на стену, на которой висели его спортивные награды: вымпелы, грамоты, ленты.

— В середине 60-х, если помните, многие мальчишки мечтали стать такими, как Владимир Куц, — с улыбкой рассказывал Стоян. — В нашей школе тоже были такие мечтатели...

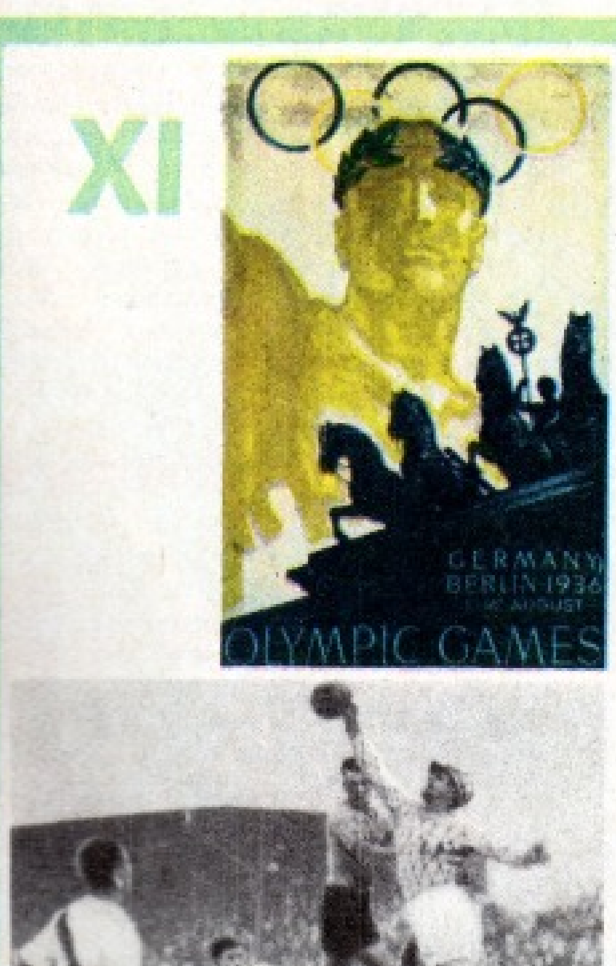
Его одноклассники ездили в школу автобусом. А Стоян, отдав им портфель, преодолевал эти три километра от дома в Малко Белово до школы в городе бегом. И так каждое утро, в любую погоду. Все, что дали эти тренировки, очень пригодилось, и довольно скоро. Как-то весной, а Стоян учился уже в 8-м, преподаватель физкультуры объявил:

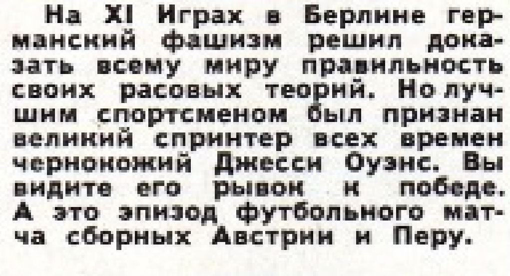
— Завтра городской кросс. Кто побежит от вашего класса?

Отважился один Стоян. И, к своему удивлению, обогнал всех — и ровесников и ребят постарше. Точнее, почти всех, потому что пришел вторым.

Тогда-то и обратил на него внимание учитель физкультуры. Стоян начал заниматься, и уже летом этого

В Лос-Анджелесе на X Олимпийских играх 1932 года в соревнованиях по плаванию было установлено 3 мировых и 36 олимпийских рекордов. Четырнадцатилетний Кусио Китамуро проплыл дистанцию 1500 метров за 19 мин 12,4 с. Этот результат был побит лишь через 20 лет. На снимке Китамуро вместе с серебряным призером С. Макино. В фехтовании на рапирах лучшей была Эллен Мюллер-Прайс из Австрии.





На XI Играх в Берлине германский фашизм решил доказать всему миру правильность своих расовых теорий. Но лучшим спортсменом был признан великий спринтер всех времен чернокожий Джесси Оуэнс. Вы видите его рывок к победе. А это эпизод футбольного матча сборных Австрии и Перу.

же 1964 года стал чемпионом округа, а в 66-м улучшил рекорд республики в беге на 1000 метров.

Следующий год для Стояна Говедарова отмечен главным событием в его спортивной биографии: в составе сборной Болгарии он участвовал в Играх балканских стран в Греции.

На Играх в Афинах Говедаров познакомился со многими замечательными бегунами Болгарии. Один из них, Иван Пеев, стал его тренером в армейской школе высшего спортивного мастерства (в 67-м году Стояна призвали на действительную службу). Теперь за ним прочно закрепилось место в сборной республики, и в легкоатлетических матчах Болгарии с командами Турции, Венгрии, Белоруссии Стоян неизменно занимал на своих дистанциях места не ниже второго.

Немало поездил Говедаров за эти годы по Болгарии и за ее пределами, немало повидал и узнал. Но чем ближе был конец армейской службы, тем сильнее его тянуло в родные места. И когда окончился срок действительной, он не откликнулся на многие привлекательные приглашения, а вернулся в Малко Белово. Земляки Стояна знали о его спортивных успехах, следили за каждым стартом. А ему личной славы было уже мало, хотелось поделиться с другими. Поэтому он обрадовался

предложению стать преподавателем физкультуры в своей средней школе.

...В одну из наших встреч Стоян пригласил меня в Белово на городской легкоатлетический кросс школьников, где он был главным судьей. Дел на него в тот день свалилось много, но он успевал помочь и на старте и на финише. Погода была холодная, пасмурная, и Стоян все беспокоился, как бы ребятишки не простыли. Я наблюдал за всем этим, и мне легко было представить Стояна Говедарова в роли преподавателя физкультуры.

А учитель из него получался хороший. Подготовленная им сборная школы по легкой атлетике не раз была первой на окружных соревнованиях. А двое его бывших учеников, Катя Хаджийска и Георги Димов, последовали примеру Стояна: окончив институт физкультуры в Софии, вернулись преподавателями в родную школу.

Впрочем, к тому времени Говедаров был уже далеко от Белова, в Сестримо. Сюда направил Стояна Говедарова окружком Димитровского комсомола налаживать спортивную работу. А в 76-м его избрали секретарем комитета ДКСМ строительного треста. Его управление находится в селе Сестримо, в 20 километрах от Белова.

...Но никак не может Стоян Говедаров без спорта, где бы он ни был. У него и семья такая. С будущей женой, чемпионкой округа в беге на 100 и 200 метров Гинкой Мавровой, он познакомился на республиканской спартакиаде сельских спортсменов. А когда подросла их старшая дочь Божурка, Стоян стал и ее брать на тренировки.

— На соревнованиях сначала ощущаешь радость от того, что участвуешь вместе с другими, а уже потом счастье победы или горечь неудачи. И когда ждешь соревнований любого ранга, в первую очередь предвкушаешь именно это чувство — сопричастность, — говорил мне Стоян.

Я спросил: за кого он будет «болеть» на Играх в Москве?

— За болгарских штангистов Янко Русева и Антона Коджабашева, за Альберто Хуанторену. И за всех советских спортсменов.

...В последний день перед моим отъездом мы снова пришли со Стояном на тот километр на трассе олимпийского огня, где понесет он факел. Понесет по своей земле, на которой стоит памятник ее и его освободителям — болгарским партизанам. Отцу и деду, которые жили не зря, ибо жили в борьбе за свободу...

И отблеск олимпийского огня коснется монумента.

София

«Я ТРЕНЕР. Я ИЩУ ТАЛАНТЫ»

О. ЖАДЕЦКИЙ
соб. корр. ТАСС в Бухаресте — для «Ровесника»

Весной Николае еще не знал, где пройдет его этап в олимпийской эстафете. Возможно, он как олимпийский чемпион первым примет факел на своей земле...

Легко и приятно было ветерану представить мост Дружбы над Дунаем, где болгарские бегуны передадут огонь румынским и в небо, как символ мира, поднимутся сотни белых ручных голубей...

Голуби покружатся и сядут на свои родные крыши, а факел будет уже далеко...

А возможно, ему доверят другой ответственный отрезок пути: на самой границе с Советским Союзом. И тогда обычный спортивный ритуал: передача эстафеты следующему бегуну — обретет высокий смысл для Николае. Потому что именно в его судьбе советский спорт сыграл большую роль. Чтобы все это понять, надо знать его судьбу.

Николае Мартинеску — борец классического стиля.

...Борьба — это прежде всего терпение. Побеждает лишь тот, кто умеет терпеть и боль на ковре, и горечь поражений на турнирах. По современным правилам проигравший в начале соревнований имеет право на утешительные схватки. А в них проверяется уже не техника и сила, а характер, воля к победе после провала. Не правда ли, мудрые правила?..

Научно доказано: расцвет борца, золотой его возраст — 26—28 лет. Но если в эти годы ты не успел стать чемпионом, никто у тебя не снимет права на утешительные поединки в будущем. А там уж все зависит от тебя.

Так думал Николае Мартинеску, прохаживаясь за кулисами олимпийского дворца «Рингхалле» в ожидании вызова на ковер в Мюнхене в 1972 году. Почему его мысли были об этом? Потому что он видел в те минуты за кулисами суровое, словно гранитное, лицо тяжеловеса Анатолия Рощина, двукратного серебряного призера Олимпийских игр, трехкратного чемпиона мира, чемпиона Европы и Советского Союза.

В год XX Олимпиады Рощину исполнилось сорок лет. Во дворце «Рингхалле» он ожидал последнего вызова на ковер. Мартинеску выступал в полутяжелом весе (до 100 килограммов), и его олимпийская судьба решалась на двадцать минут раньше судьбы Анатолия Рощина.

Мартинеску посмотрел ему в глаза и понял: Рощин отсюда не уйдет побежденным. Такие люди последний шанс не упускают никогда... А сам Мартинеску вышел в финал с ростовчанином Николаем Яковенко, голубоглазым и светловолосым добряком. Они знали друг друга ближе, чем близкие родственники. Сколько раз они встречались! Мартинеску считался в борцовских кругах удобным соперником для Яковенко: он был борец довольно бесшабашный, то есть мог неожиданно выиграть и так же неожиданно проиграть. Еще в 67-м году в Бухаресте на первенстве мира жребий свел их в финале. Ли-

бимец публики яркий брюнет Мартинеску вышел на ковер под гром оваций. Улыбками и жестами успокоил горячую местную публику и, широко распахнув руки, пошел на Николая Яковенко. А голубоглазый Яковенко улыбался про себя: он поймал свой захват и бросил Мартинеску за руку. И стал чемпионом мира.

За год до этого события румынский борец встречался в США с другим советским атлетом, Валерием Анисимовым, и также проиграл в финале. И в 65-м в Тампере ему же отдал победу... Но спортивному терпению Николае Мартинеску, как видно, не было конца. Ковер в Мюнхене стал его последним шансом, последней попыткой доказать, что он внимательный ученик советской школы классической борьбы. И уроки чемпионов не прошли для него даром: от них осталась не только горечь.

...Все, что он знал и умел на ковре, он показал мюнхенской публике в схватке со своим самым главным соперником — Николаем Яковенко. Тот привык к победам над Мартинеску, но сейчас перед ним был другой человек. Он не лез в атаку без оглядки и не делал ошибок в волнении. Он боролся сжавши зубы, обстоятельно. И, смертельно усталый, все-таки добился победы...

XIV

OLYMPIC GAMES

29 JULY 1948 14 AUGUST

LONDON

В летописи Олимпийских игр против XII и XIII Олимпиад записано: «Не состоялись»: помешала вторая мировая война. Лишь в 1948 году в Лондоне загорелся олимпийский огонь. Чудеса на этих Играх творила Фанни Бланкерс-Кун (это ее вы видите в беге): четыре золотые медали! Вы видите также улыбку чемпиона египетского штангиста Ибрагима Шамса.

Четырежды в честь этого гимнаста под сводами зала «Мессухалли» в Хельсинки звучал гимн Советского Союза. Имя его легендарно и, конечно, вам знакомо: Виктор Чукарин. Там же, в Хельсинки, завоевал «золото» гребец Юрий Тюкалов.

Николае Мартинеску сегодня сорок лет, но он не ушел из спорта. И не уходит с ковра, пока не проведет пару коронных приемов. Только в ответ на его мастерство не загремят благодарно трибуны: он работает в зале без зрителей. Он тренер.

Как однажды сказала Ирина Роднина: «Ведь это разные профессии — тренер и спортсмен. Больше того: из удачливого спортсмена, познавшего радость чемпионства, побед и рекордов, редко получается тренер экстра-класса. Тренеру надо реализовать свои естественные честолюбивые замыслы в учениках, добиться олимпийского «золота», о котором он сам мечтал. У олимпийского же чемпиона честолюбие удовлетворено. Ему необязательно идти в институт физкультуры и становиться тренером...» Но Мартинеску, олимпийский чемпион по классической борьбе, редкое исключение, ибо тренер он удачливый, как и спортсмен.

В 1977-м Мартинеску, закончив специальные курсы при институте физкультуры и спорта, стал готовить юниоров в бухарестском «Динамо», и через два года его ученик выиграл первенство Румынии среди юношей. Конечно, первенство Румынии не чемпионат мира (Николае сам 18 раз был чемпионом республики). Но тем не менее для учителя и воспитанни-

ка это отличное начало. В стране, где веками крестьяне на хуторах и в селах занимались народной борьбой трынтэ и где любовь к единоборству у каждого в крови, не так-то просто стать первым. Однако именно для ученика тренера Мартинеску это место на пьедестале не должно быть сверхнеожиданностью, сенсацией. Ведь учитель, сам прошедший советскую школу борьбы, познавший многие ее секреты, должен был для своих учеников вывести формулу победы или хотя бы точный график пути к ней, заветной.

Что такое опытная душа? Это аккумулятор. Только заряжаясь, впитывает он не энергию, а познание, чтобы потом передать другим в том же чистом виде, в каком получил и сам.

Однако свой рассказ о Николае Мартинеску мы начали в хронологическом беспорядке — с сегодняшнего дня, когда по решению НОК Румынии ему доверен олимпийский факел. А ведь путь Николае к этому светлому огню начался давно...

Он родился 24 февраля 1940 года в небольшом населенном пункте Вишани в уезде Брэила. В семье крестьянина. И над этой семьей, и деревней, как, впрочем, и над всей землей, уже выла голодной волчицей вторая мировая война, и в окнах хаты Мартинеску отражались ее пожары... Конечно, Николае поздно начал заниматься спортом, но раньше он никак не мог. Когда ему было восемнадцать лет, в Галаце на турнире по национальной борьбе трынтэ объявили его фамилию, и он вышел в центр круга. Никто здесь не знал фамилии Мартинеску, односельчане находились далеко, и на этом первом в жизни турнире у Николае не было болельщиков. То есть он считал, что не было. А на самом деле за его борьбой следил местный галацкий тренер Штефан Бабин. Штефан всюду искал таланты. После схватки он подошел к истерзанному борьбой безвестному Мартинеску и похлопал его по плечу... А еще через два года, когда Николае стал чемпионом республики среди юниоров, тот же Штефан Бабин, теперь уже его учитель, с той же улыбкой снова похлопал его по плечу. Однако в улыбке тренера мелькнула грусть: он понимал, что Николае не останется в галацком «Динамо», что ждет его Бухарест, откуда начнется его долгий путь к мировой арене, где встречаются лучшие. Штефан знал: все это будет.

И, заканчивая свою двадцатилетнюю спортивную карьеру, Николае сказал: «Мне, как и другим румынским спортсменам, спорт открыл широкие перспективы для самоутверждения, помог узнать окружающий нас мир и найти друзей на различных меридианах земного шара...»

Насчет друзей Мартинеску сказал не общие слова, принятые в подобных случаях. Он сказал правду.

Сразу после Олимпиады в Мюнхене, в дни празднования 50-летия образования Советского государства лучшим спортсменам социалистических стран было присвоено звание «Заслуженный мастер спорта СССР». Имена их были известны и уважаемы во всем мире: гимнастка из ГДР Карин Янц, кубинский боксер Теофило Стивенсон, борец из Монголии Баянмунх, румынский атлет Николае Мартинеску.

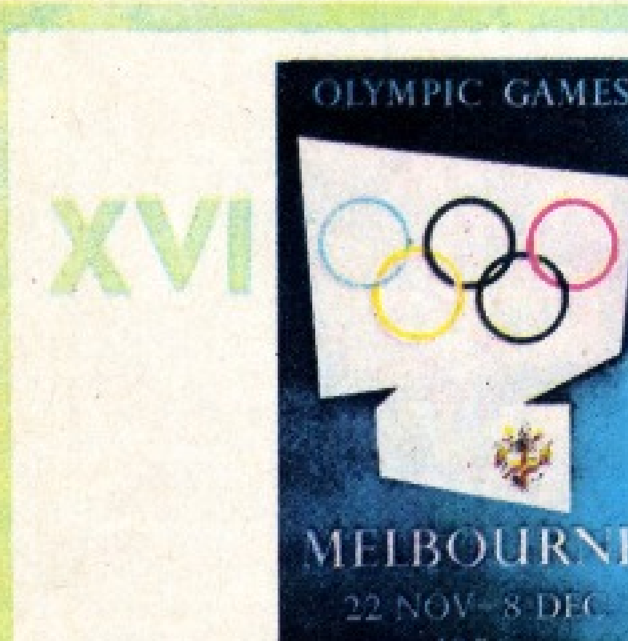
Сам Николае считает, что получил это звание не за одни свои прошлые заслуги, но и за будущие тренерские. Так же, как когда-то галацкий его учитель Штефан Бабин, ездит он в праздничные и выходные дни по селам и маленьким городкам и на шумных турнирах по борьбе трынтэ выискивает таланты среди деревенских мальчишек. Правда, сегодня делать это можно проще и не только в праздничные дни. Сегодня в республике 10,5 тысячи спортивных баз: стадионов, бассейнов, искусственных катков, гимнастических залов, теннисных кортов, гандбольных и волейбольных площадок... На этих базах занимаются спортсмены 84 клубов — профсоюзных, студенческих, армейских, школьных и крестьянских. (Вот и этот принцип подготовки чемпионов румынский спорт перенял у советского: «От массовости — к мастерству!»)

— Румыния — страна небольшая, но в спортивном мире известная, — сказал мне Мартинеску. И гордо стал называть имена: — Наде Команэчи, Иван Пацайкин, Василе Дыба, Дан Греку, Симион Куцов, Георг Берчану...

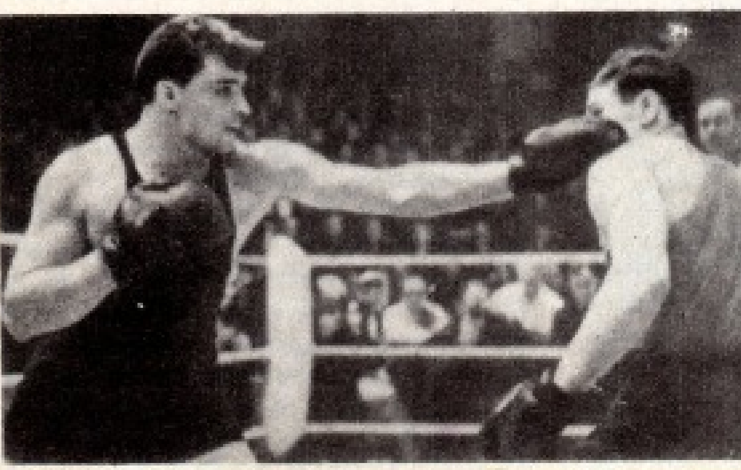
Мартинеску объяснил взаимосвязь между этими большими именами и большими государственными заботами о спорте в Румынии.

— Еще недавно, когда я был мальчишкой, — вспоминал Николае, — спорт считался для крестьян недоступной роскошью. Однако в королевской Румынии среди помещиков и дворян, для которых такая роскошь была вполне доступной, олимпийских чемпионов я не помню...

Свое первое «золото» румынский спорт завоевал на Олимпийских играх в Хельсинки в 1952 году в стрельбе из малокалиберной винтовки. Потом уже Мельбурн принес мировое признание румынским гребцам, боксерам и гимнастам. А в Риме румыны завоевали лавры в классической борьбе и стрельбе. (Тогда двадцатилетний Мартинеску, встречая в Бухаресте национальных героев Олимпиады, молча дал себе слово тоже стать олимпийцем.) В Риме состоялась еще



Так финишировал Владимир Куц в Мельбурне на XVI Олимпийских играх. Чемпионом стал и другой выдающийся спортсмен — Геннадий Шатков (на снимке он слева).



одна сенсация: румынская легкоатлетка Иоланда Балаш взяла высоту 1 м 91 см. И планка ее рекорда держалась почти десять лет, никто ее не мог преодолеть.

А Мартинеску в те годы только запасался силой и терпением. Стиль его борьбы не зря же называется классическим: он один из самых сложных. В нем запрещены приемы ногами: подсечки, подножки, зацепы снаружи и изнутри. А древнейший прием, воспетый еще греками на фресках, «бросок через грудь прогнувшись», способен выполнить на четыре балла лишь могучий и очень техничный борец.

— А в сборной Румынии такие борцы есть, — считает бывший соперник Мартинеску, заслуженный мастер спорта Валерий Анисимов, нынешний тренер советских юниоров.

После Олимпийских игр в Монреале, где наша сборная по классической борьбе завоевала 7 золотых, 2 серебряные и одну бронзовую медаль, румынская команда сумела нас догнать, используя нашу систему подготовки, нашу технику и тактику. И, конечно, не забывая и своих борцовских традиций. А в выносливости и силе они нас превзошли: дважды за четыре года выиграли командное первенство Европы. Последний раз в Бухаресте в прошлом году.

— Румынские тренеры большое значение придают волевой подготовке,

Отлично выступили в Риме советские гимнасты. Абсолютной чемпионкой Игр стала Лариса Латынина: две золотые, две серебряные и одна бронзовая медаль. Вторую свою золотую олимпийскую медаль получил наш гребец Вячеслав Иванов.

Это прыжок Валерия Брумеля в Токио, на XVIII Олимпиаде, где он установил олимпийский рекорд: 2 м 18 см. Много лет никто из прыгунов не мог улучшить его результат, и до сих пор эта высота Валерия Брумеля вызывает уважение. В Токио, как обычно, очень сильно выступили американские легкоатлеты. Вы видите чемпионку в беге на 100 м Вайомию Тайес.

настрою на решающий поединок. Они в этом плане зубастые ребята, — сказал Анисимов. — Они стремятся вырвать победу любой ценой. И уже мы своих юниоров тоже стараемся готовить к такой жесткой, бескомпромиссной борьбе. Тем более сейчас вводятся новые международные правила, по которым схватка продолжается шесть минут без перерыва. Борьба классическая станет зрелищнее. И потом, перерыв сбивает темп; пока спортсмена обмахивают полотенцем, инициатива его может улетучиться...

Кстати, Николае Мартинеску всегда был сторонником жесткой борьбы, не осторожничал, шел открытый, поэтому и ошибался, и стиль его казался бесшабашным...

Тринадцать лет шел Николае к олимпийскому ковру из местечка Вишани в уезде Брэила в город Мюнхен.

И вот теперь, в 1980 году, он сидит в пустом спортзале столичного клуба «Динамо», вспоминает...

Мартинеску улыбнулся на прощание:

— Я не знаю, где на карте олимпийской эстафеты мой этап. Но одно могу сказать точно: передавая олимпийский огонь на мосту через реку Прут, румынские спортсмены передадут своим советским товарищам свет и тепло своей дружбы.

Бухарест

ПАССАЖИР ПОСЛЕДНЕЙ ЭЛЕКТРИЧКИ

Александр ШУМСКИЙ
Фото Г. МАЛАХОВА

Какая осознанная необходимость заставляет Константина Угольнова ждать на Курском вокзале зимой последнюю электричку до Ногинска, если Константин живет и работает в Ямкине Ногинского района? Ответить можно коротко: хоккей. (А летом, если коротко: футбол). Неболельщику непонятен смысл его путешествий, тем более что у Константина цветной телевизор. Зачем же тащиться в Лужники — сто километров в один конец? (Наивный для болельщика вопрос!) Ясно зачем: чтобы помочь своей команде. Без этой помощи ей будет очень тяжело и очень плохо. Говорил же Третьяк журналистам: «Я не могу играть, когда молчат трибуны. Я остываю...» Так значит, Константин спешит к нему на помощь из Ямкина, и Третьяк ему за это благодарен, хотя они и незнакомы. И если вратарь пропускает шайбу и клюшкой бьет по льду, Угольнов ему сочувствует. Сочувствие — готовность к соучастию. И в трудные для ЦСКА минуты Константину кажется, что вот сейчас он слетит с трибун, наденет доспехи и выйдет на лед, и все изменится в лучшую сторону. К счастью для Угольнова, таких минут у хоккеистов ЦСКА в чемпионатах страны почти не бывает. Именно к счастью. Мгновение этого чувства дано испытать лишь болельщику, идущему ночью домой двенадцать километров мимо леса, где в лучшем случае луна стоит над соснами, а в худшем — разгуляется метель. Но в любом случае болельщика согревают воспоминания о матче. И шайба, заброшенная Харламовым, вызывает восторг, но не зависть. Почему? Ведь это парадоксально, ибо настоящий чемпион для простого любителя спорта — живое воплощение его мечты. Вот она взяла и стала для кого-то другого реальностью... И тем не менее никто на стадионе, наверное, не думает об этом, наблюдая мастеров. Олимпийский чемпион в Мехико гимнаст Михаил Воронин объяснял мне как-то в зале, что такое мастерство. Это когда зритель смотрит на помост и думает: надо же, как легко у вас, у спортсменов, получается! Я и сам смогу сделать ваше сальто назад и прыжок Цукохара. Запросто.

Однако Угольнов понимает, что такой зритель не прав и это не легкость, а только видимость ее.

Самая большая сенсация Мексиканской олимпиады — американский легкоатлет Боб Бимон. Он совершил космический прыжок в длину: 8 м 90 см! Его соперникам можно лишь посочувствовать. Кому удастся побить такой рекорд? Елена Петушкова стала серебряным призером соревнований по выездке в командном зачете.

— И я, конечно, не Третьяк, а вратарь в команде совхоза Чапаева. И выступаем мы в первенстве района. Но «болеют» за нас сильнее, чем во Дворце спорта — это точно.

И неудивительно: все свои. С ними еще вчера Константин перебирал картошку в ларях совхозного хранилища, а сегодня надел тренировочный костюм с белыми лампасами, вышел на спортивную площадку — и все: и превратился в человека из другого совершенно мира, великого мира Игры. А те его друзья, кто не успел переодеться в спортивное, остались за бортиком хоккейной коробки и, с молчаливого согласия сторон, превратились в болельщиков Игры.

Играли в футбол на хоккейной площадке ветераны против молодых. Это было в середине марта, в праздничный день проводов русской зимы в деревне Ямкино, где с утра украшали совхозную лошадь.

К полудню лошадь была украшена бумажными венками и фольгой, и в сани посадили малышей. Под баян начались катания, гуляния и танцы. Были и горячие блины. Но Костя не попробовал блинов, пока они были горячие. Угольнов играл в футбол — опорного полузащитника за молодежную команду совхоза.

...Еще час назад мы были совершенно незнакомы, и неизвестно было, как знакомство сложится, в какие разговоры перейдет. Но совхозный тренер Лапкин поставил меня правым крайним за сборную ветеранов против Константина. И мы с ним бились на льду, обводили друг друга, отнимали мячи. Угольнов был силен в отборе и как диспетчер ничего... Игра нас сблизила. Мы уже примерно знали, кто на что способен, ведь в футболе человек раскрывается не только как игрок. На поле он как на ладони. Естественно, бывают исключения: и тугодум преображается в игре в такого остряка, такое творит с защитой противника, что стадион ревет от смеха. Но это редкость.

...За молодежную команду выступали в основном почему-то люди случайные, некоторые даже в ботинках на толстой подошве. В действиях чувствовалась несыгранность, и Константин как лидер этой сборной пытался наладить игру, сделать ее осмысленной. Но в первом тайме молодые пропустили два мяча от ветеранов, и Костя ничего не мог поделать. Сжав зубы, он бежал по льду в атаку, скользил, и падал, и ругался, и я не давал ему бить по воротам из выгодных положений, и он в ответ такие исполнял подкаты, когда я врывался в штрафную площадь молодых!

Не было на этом олимпийском стадионе в Мюнхене человека, который не знал бы героя XX Игр — советского борца Александра Медведя. Он единственный в истории борьбы трехкратный олимпийский чемпион и семикратный чемпион мира. Здесь, в Мюнхене, во дворце «Рингхалле», он одержал свою последнюю победу

Мы победили, они проиграли. Олимпийским огнем сияло над нами простое мартовское солнце, когда шли мы по площади мимо Дома культуры, где это солнце отражалось в самоварах на крыльце, потому что праздник продолжался: началось перетягивание каната. Баян заливался в марше.

Мы шли домой к Угольнову почти что как к себе. И я уже не мог обращаться к нему как официальное лицо к официальному лицу: моя лыжная шапочка и мокрый чуб не позволяли. И потом, мы уже были с ним, говоря спортивным языком, друзья-соперники. То есть люди, друг другу знакомые.

Так яростный футбол на льду растопил возможный с самого начала в отношениях ледок отчуждения. И это было естественно: ведь спорт сближает целые народы...

Квартира олимпийского факелоносца была украшена портретами олимпийских чемпионов, а также победителей мировых и европейских первенств. Были там гимнаст Андрианов, футболисты Веремеев и Блохин, фигуристы Водорезова и Бобрин... А сам Угольнов чисто внешне напоминал известного фигуриста Овчинникова: худощавым лицом и фигурой. (На снимке вы его видите в центре.) Однако на этом, как я позже заметил, сходство не кончалось. Угольнова сближало с чемпионом одинаково серьезное, любовное даже отношение к спорту. Он, как и Овчинников в свое время, не представлял и дня без тренировки. Зимой он вставал в шесть утра бегать кроссы. Кристаллы ледяного воздуха попадали в легкие Угольнова, если он бежал с открытым ртом. Конечно, он лишал себя удовольствия, недосыпая часок до рассвета. Зато его короткий зимний день был длиннее нашего, и таким образом Константин продлевал удовольствие каждого дня в своей жизни.

А что это за жизнь? — хотелось узнать у Константина. Но он рассказывал про Ямкино.

...— И была здесь церковь деревянная, без единого гвоздя. И есть естественное озеро ледникового периода. Только мы там не купаемся: на дне ил сплошной. Глубокий, метров восемь. Наполеон проходил через Ямкино и, говорят, утопил в этом озере ящик с золотом. Рассчитывал потом достать... А Ногинск раньше назывался городом Богородском.

Угольнов знал про свой край все — всю его историю, потому что родился в Ямкине и любознателен был от природы. Двадцать три года жил здесь, из них два года (пока был в

армии) скучал по ямкинским местам. По вольным лугам и дорогам извилистым, по соснам и ветру в сосновых кудрях. И хотя он служил в местах, где природа не отличалась от подмосковной, снилось в армии все-таки Ямкино, откуда призывался и куда вернулся 20 мая. А через неделю уже вышел на работу, так и не отгуляв того, что положено по уставу после увольнения в запас.

Поставили Костю начальником смены на зернотоку, потому как был молодым специалистом широкого профиля: в 76-м году, еще до армии, закончил в Яхроме совхоз-техникум, факультет агрономии.

...И началась уборка. Машины шли потоком. Угольнов работал в две смены: и ночью и днем.

— Ячмень привезут, он горячий — ладонь не положишь. Часов до двух ночи еще держишься на ногах, а потом так спать потянет... Упадешь в зерно, зароешься, только пятки торчат. Такое блаженство! А глаза откроешь: машины идут по дороге, ревут как звери, фарами слепят, шоферы ругаются... Крикнешь им: «Иду, иду!» И машины ставишь под разгрузку. И так до утра. А утром добредешь домой и спать завалишься до вечера. Вечером ребята кто на танцы, кто в кино, а ты на работу. Еще и сменщица моя ушла в декретный отпуск. В общем, лета так и не увидел.

Наступила осень в Ямкине: пора дождей, успокоения, грибов. В прозрачные ее дни Константин курил на крыльце в тренировочных брюках, и Мухтар, домашний сторож, наблюдал за течением дыма в осеннее небо. И оттого, что рано Константин стал взрослым мужиком, хозяином и танцы чаще пропускал, чем посещал, жизнь его не была гладкой, как дождевая вода в бочке. Случались в ней волнения и грусти. Но это Константин умел скрывать. Только в игре он давал себе волю, так что все удивлялись: тот ли это спокойный парень из Ямкина?

Той же осенью начал встречаться с Ириной, секретарем совхозного комитета ВЛКСМ. Ходили в Дом культуры. Галантный Костя в дождь раскрывал над ней японский зонтик. Из кино до дому провожал: Ирина жила одна в однокомнатной квартире на четвертом этаже. Теперь там над тахтой висит старинная ладья с гребцами и термометром. И дарственная надпись под кормой: «Константину и Ирине в день свадьбы от коллективов художественной самодеятельности ДК совхоза имени Чапаева». В одном коллективе Ирина поет, а в другом ее муж играет в спектаклях ямкинского театра.

Сегодняшняя жизнь Угольнова сплетена из столкновений, связей и конфликтов с самыми разными характерами: на работе, на тренировке, на репетиции в драмкружке, на дежурстве в ДНД и ДПО (добровольной пожарной дружине). Угольнова, наверное, надо отнести к характерам надежным (что совсем необязательно означает уживчивый). Такое впечатление остается и от жизни его, и от игры.

— У нас в команде все стараются быть нападающими, забивать голы. А мне нравится стоять в воротах, выручать. Одно обидно: когда команда выигрывает, выигрывают все, а когда проигрывает, виноват один вратарь.

Тренирует Угольнова школьный учитель физкультуры Вячеслав Сергеевич Лапкин, сам большой любитель подвижных игр. Это он по утрам заходит за Костей бегать кроссы как в комедии «Осенний марафон».

И бегут они по снегу в предрассветной мгле.

...Когда мы приехали в Ямкино в марте на проводы русской зимы, Константин находился в отпуске, поэтому встретил нас дома. Теперь он заместитель начальника производственного участка отделения Молзино совхоза имени Чапаева. Его участок картофелеводческий. Под наблюдением Угольнова шесть гектаров раннего белорусского картофеля. И хранилища в Молзине. Мы были в трех хранилищах, они похожи на конюшни: длинный коридор и полумрак. В деревянных ларях картофель, тонн по двенадцать в каждом ларе. Таблички на стенках: «Белорусский ранний 1-й репродукции». Ошкалки на полу. Корзины. И на мешках тетрадь: «Журнал по хранению картофеля в Молзине». В нем графики температур... Все это Костина работа.

— А как цветет картофельное поле, вы видели? — спросил он и сам ответил: — Белым цветом.

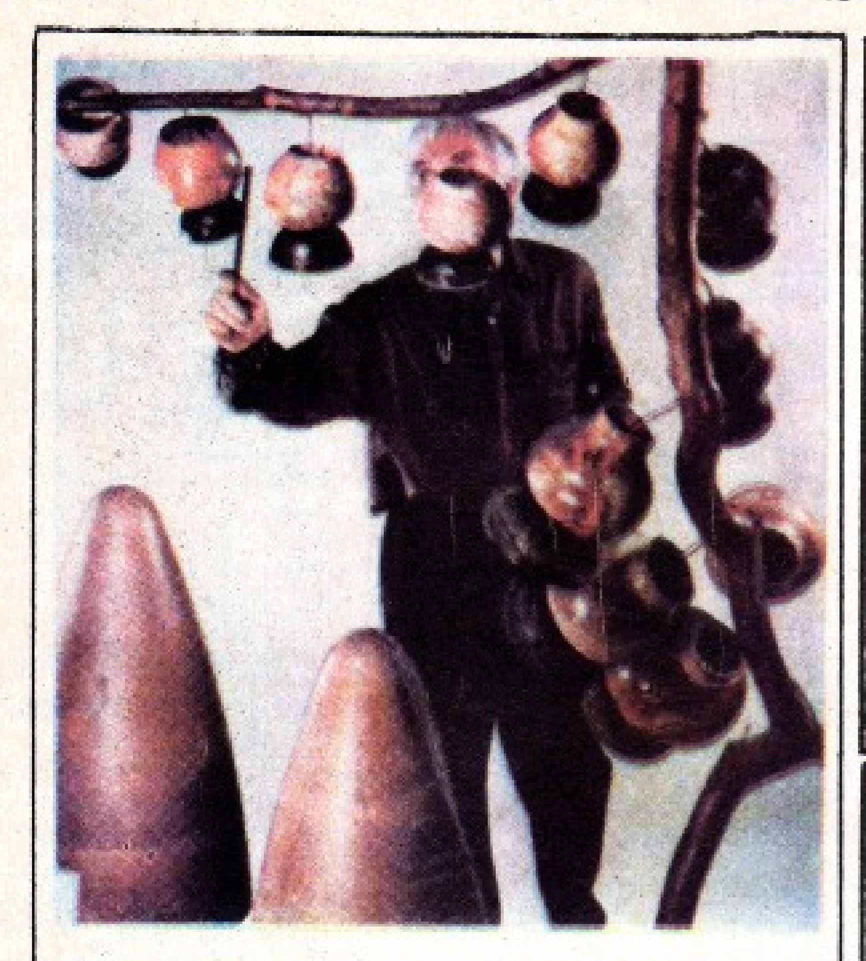
Про это лето Константин потом не скажет: «Пролетело незаметно». Как же может оно пролететь незаметно, если Угольнов олимпийский факел понесет на виду у Москвы, на пороге ее, у моста окружного? И уже другими глазами посмотрит на эти дома на окраине, и эти улицы, и Лужники. Потому что на всем знакомом и привычном будет отблеск олимпийского огня.

...Константин не провожал нас до околицы: мы расстались у Дома культуры.

И он не сказал на прощание: «Приезжайте к нам летом». Летом Косте будет не до нас: белым цветом зацветет его картофельное поле.

Ямкино, Московская область

Абсолютный чемпион XXI Олимпиады по гимнастике Николай Андрианов завоевал в Монреале больше всех наград: четыре золотые, две серебряные и одну бронзовую медаль. Никогда еще так уверенно не выступали на Олимпиадах наши борцы. Полутяжеловес Иван Ярыгин в Монреале выиграл вторую золотую медаль.



МУЗЫКА С САМОГО НАЧАЛА

Странный музыкальный инструмент, который вы видите на снимке, создал американский композитор Гарри Парч. Парч мечтал о возвращении музыки к естественности и простоте, не только собирал древние музыкальные инструменты, но и конструировал свои. И вот спустя шесть лет после смерти композитора состоялись первые концерты, на которых его учениками были сыграны его мелодии на созданных им инструментах. Даже у консервативно настроенных профессоров консерваторий они пользовались успехом.

Есть ли будущее у музыки прошлого? В этом был уверен Парч, уверены его ученики. А там — время покажет.

ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ...

Напряжение жизни «в сто тысяч вольт» — это прекрасно. Но утомительно. «Мосье сто тысяч вольт» — так прозвали знаменитого французского шансонье Жильбера Беко — бросил якорь. Его порт — ферма в местечке Пуату. Земледелец Беко встает с рассветом и день-деньской в поле: «Я открыл красоту борозды в земле — вместо бороздок на пластинке». Он по-прежнему дает концерты. Но не в сезон уборки урожая.

Во время мирного сельского досуга его и застал корреспондент французского журнала «Пари-матч».

СОБАКИ В БАНКЕ

— Ложись! Все на пол! — трое в масках с автоматами наперевес возникли в дверях парижской банковской конторы. Команда была выполнена мгновенно, но тут в традиционный сценарий ограбления вмешались овчарки, мирно дремавшие под столом. Еще минута — грабители лежат на полу, слышен визг подъезжающих полицейских машин. «Наш банк гарантирует вкладчикам безопасность в своем помещении».

ЛЮДИ И ОВЦЫ

Как известно, испокон веков друзьями овец были пастухи, а главными врагами злые волки. XX век в корне изменил жизнь пастухов, другими стали и овечьи враги. Об этом рассказал недавно западногерманский еженедельник «Штерн».

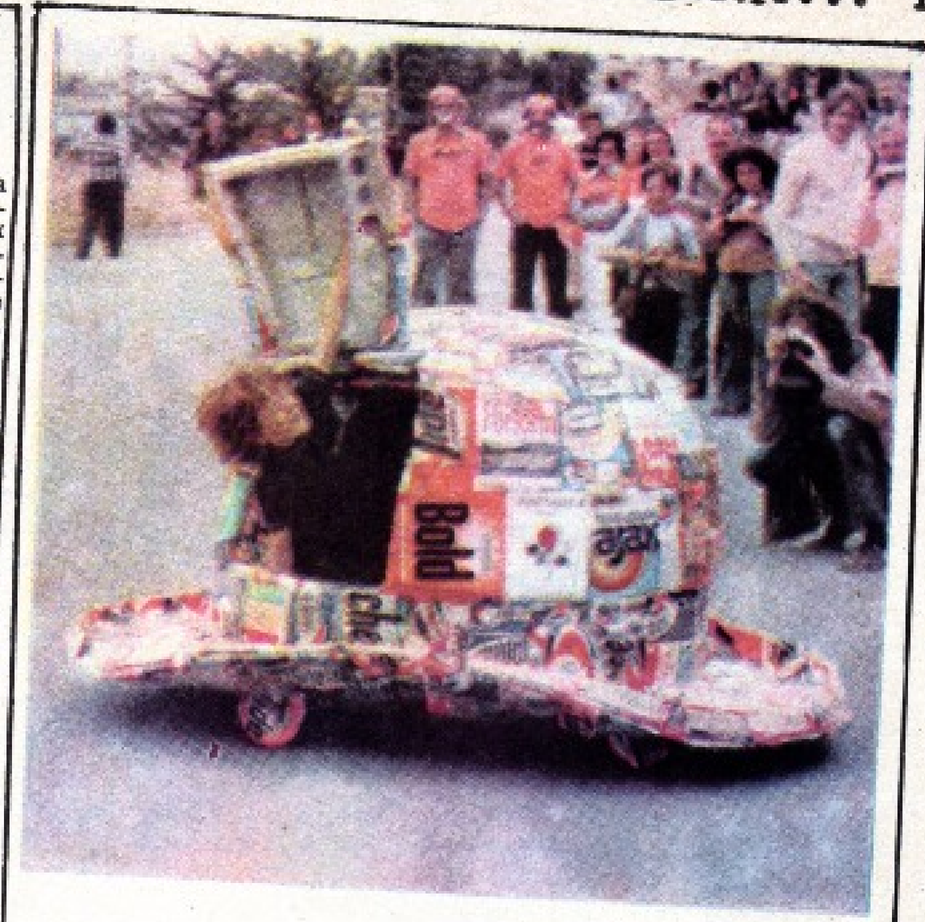
Кочевать с пастбища на пастбище становится все труднее: кругом города, поселки, фабрики. К тому же пастуху приходится переправлять свое стадо через многочисленные автомобильные дороги, пересекающие древние овечьи пути.

Но если б только это! В землю неудержимо проникают различные химические вещества. И если с чертополохом, к примеру, еще можно бороться, то защитить стадо от вредных химических остатков в зеленом корме пастух не в состоянии.

ЕЩЕ ОДНА СТРАНИЦА

«История освоения Севера знает немало славных страниц». С этих привычных слов часто начинаются передачи «Клуба кинопутешествий». И мальчишеские сердца трепещут от счастья, и сердца тех, кто постарше, наполняются тоской о несбывшемся...

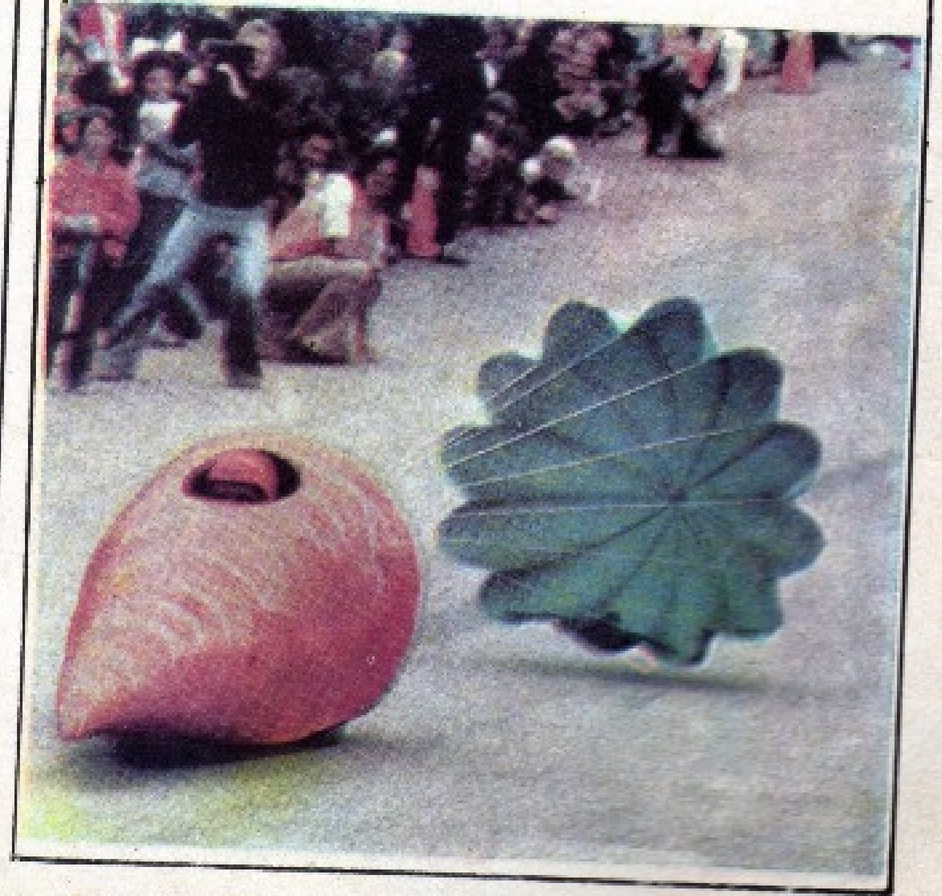
Один из тех, чья мечта сбылась, Аксель Чудау, бывший летчик. Летом прошлого года он совершил путешествие на парусной лодке к Северному магнитному полюсу. Цель уже была близка, когда пришла радиограмма: «Северо-западный проход забит льдом. Плывите назад!» — «Назад? Это последнее, о чем я тогда думал, — скажет впоследствии Аксель Чудау. — Не для этого плыли мы 4 тысячи километров через снега и бури». И вот цель достигнута! Теперь можно назад. Но лодку со всех сторон зажали льды. А на позывные никто не откликался. Только через несколько дней захрипела рация: на помощь пробивался ледокол. «Я продолжу плавание по Арктике следующим летом», — говорит Аксель Чудау.



СУПНИЦА БЕЗ ТОРМОЗОВ

Пробовали ли вы бегать в мешках? А толкать носом футбольный мяч? А играть в полевые шахматы, где конь ростом с коня? «Фи, — воскликнете вы. — Какая привычная скука!»

Вот скука пока еще непривычная: с холма несутся на бешеной скорости супницы, консервные банки, овощи, шляпки, рыбы... Это новые гонки в Сан-Франциско. На старт приглашаются только весельчаки, понаторевшие в придумывании машин невероятных. Публика тоже веселится до упаду. Буквально. Ибо, по условиям соревнования, тормоза для супниц не предусмотрены.



ЛЮДИ И ОВЦЫ

Заголовок повторен нами не по ошибке: эта заметка продолжает тему соседней.

Каждую ночь баварское радио передает программу, в которой испрашивается божье благословение на благую жизнь на плодородных нивах. Прослушав молитву, население спокойно засыпает. Но вот покой граждан нарушен! Виноват в этом ансамбль «Бирмёзль-Блозен», изменивший во время выступления текст популярной молитвы. В результате фабриканты, политики и «каждый независимо думающий баварец» до сих пор не могут прийти в себя. Вместо хорошо знакомых слов они услышали: «Господи с тобой, земля Баварии. С тобой и химия, что беспрепятственно улетает в небеса... Живи же, господи, в химических небесах».

Реакция производителей «химических небес» понятна. Но возмущения со стороны «независимо думающих» баварцев музыканты не ожидали. Отныне людям из «Бирмёзль-Блозен» от микрофона отказано.

В. С. НЭЙПОЛ,
тринидадский писатель

Рассказ

Видиа Нэйпол родился в Тринидаде в 1932 году. Образование получил в Англии. Сразу после окончания университета начал писать. Автор многих сборников рассказов и двух романов. Сборник «Мигель-стрит», из которого взят этот рассказ, был удостоен литературной премии Сомерсета Моэма. По мнению многих зарубежных критиков и литературоведов, Нэйпол один из самых талантливых современных писателей, пишущих на английском языке. До сих пор его произведения на русский язык не переводились.

Каждый день в гостеприимные дома Мигель-стрит заходили трое нищих. Около десяти появлялся индиец в дхоти и белом пиджаке, и мы высыпали ему в заплечный мешок банку риса. В двенадцать приходила старуха с глиняной трубкой и получала цент. В два часа являлся за своей монеткой слепой с мальчишкой-поводырем.

Бывало, попадались и жулики. Как-то пришел человек и сказал, что хочет есть. Мы накормили его. Тогда он потребовал сигарету и не уходил, пока ему не дали закурить. Больше мы его не видели.

А самый странный проситель появился однажды часа в четыре. Я уже вернулся из школы и переоделся в домашнее. Человек спросил:

— Сынок, можно зайти к вам во двор?

Он был маленького роста и аккуратно одет: в шляпе, белой рубашке и черных штанах.

Я спросил:

— Что вам надо?

— Хочу посмотреть на ваших пчел, — ответил незнакомец.

У нас в саду росли четыре небольшие пальмы, сплошь усиженные незваными пчелами.

Я взбежал по ступенькам и крикнул:

— Ма, там на улице человек говорит, что хочет посмотреть пчел!

Мать вышла на крыльцо, посмотрела на незнакомца и неприветливо спросила:

— Что вам надо?

— Хочу посмотреть на ваших пчел.

Он говорил по-английски неестественно правильно, и мать забеспокоилась.

— Хорошо. А ты останься и посмотри за ним, пока он будет смотреть на пчел.

— Спасибо, мадам. Сегодня вы сделали доброе дело.

Он говорил очень медленно и правильно, будто каждое слово ему стоило денег.

Мы уселись на корточки под пальмами и целый час смотрели на пчел. Потом он поднял голову и сказал:

— Люблю смотреть на пчел. А ты, сынок?

— Времени нет.

Незнакомец печально покачал головой:

— А я люблю. Смотрю себе и смотрю. На муравьев могу целый день смотреть. Ты когда-нибудь смотрел на муравьев? А на скорпионов, сороконожек, саламандр смотрел?

Я покачал головой.

— Чем вы занимаетесь, мистер?

Тут он поднялся с земли и сказал:

— Я поэт.

— Хороший поэт?

— Величайший в мире.

— А как вас зовут, мистер?

— Ч. Вордсворт.

— Ч. — это Чарли?

— Нет. Черный. Черный Вордсворт. Моего брата звали Белый Вордсворт[1]. У нас с ним было одно сердце на двоих. Иногда я смотрю на цветок, прекрасный, как утренняя заря, и плачу.

— А почему вы плачете?

— Почему, сынок? Вырастешь и поймешь почему. Ты ведь тоже поэт. А поэты часто плачут.

Он говорил смешные вещи, но я не засмеялся.

— У тебя хорошая мама?

— Когда не бьет, хорошая.

Он вытащил из кармана штанов листок с напечатанными строками:

— На этом листке написано величайшее стихотворение о матерях, и

[1] *Уильям Вордсворт (1770—1850)—известный английский поэт-романтик, герой рассказа считает его своим духовным братом. — Примеч. ред.*

Рис. С. ТЮНИНА

уступлю его тебе по сходной цене. За четыре цента.

Я вошел в дом и спросил:

— Ма, хочешь купить стихи за четыре цента?

— Пусть этот бездельник убирается с нашего двора, слышишь?

Я вернулся к Ч. Вордсворту:

— Мама говорит, что у нее нет четырех центов.

Ч. Вордсворт вздохнул:

— Вот тебе трагедия поэта. — И убрал листок в карман. Но, кажется, он не очень огорчился.

— Никогда не видел, чтобы кто-нибудь ходил по домам и продавал стихи, только сочинители калипсо[1] так делают. А вообще много у вас покупают?

— Никто еще не купил ни штуки.

— А что же вы тогда ходите?

— По пути попадается много интересного. Вот я хожу и смотрю, а еще я всегда надеюсь встретить других поэтов.

— Вы, правда, думаете, что я поэт?

— Такой же поэт, как я, — ответил он.

И когда Ч. Вордсворт ушел, я в душе помолился, чтобы увидеть его снова.

Примерно через неделю, возвращаясь вечером из школы, я встретил его на углу Мигель-стрит. Он сказал:

— Я давно тебя жду.

Я спросил:

— Продали стихи?

Он покачал головой:

— В моем дворе растет самое лучшее манговое дерево в Порт-оф-Спейн. Плоды уже созрели, они красные, сладкие и сочные. Я ждал тебя, чтобы рассказать об этом и пригласить отведать манго.

Он жил на Альберто-стрит в маленькой хижине, построенной в центре участка. Двор был полон зелени. Там росло огромное манговое дерево, кокосовое дерево и слива. Двор походил на кусочек нетронутой природы, казалось, вокруг нет города: деревья скрывали большие железобетонные дома на улице.

Он оказался прав. Плоды манго были сладкие и сочные. Я съел штук шесть, манговый сок тек у меня по подбородку и по рукам до самых локтей, и вся рубашка покрылась пятнами.

Когда я вернулся домой, мать спросила:

— Где ты был? Думаешь, ты уже большой и можешь шляться, где вздумается? Иди срежь прут.

Она здорово меня избила, и я выбежал из дома, клянясь, что никогда туда больше не вернусь. Я пошел к Ч. Вордсворту. От злости у меня даже кровь из носа потекла.

Ч. Вордсворт сказал:

— Перестань реветь, пойдем прогуляемся.

Я перестал реветь и только сопел. Мы шли по авеню Сен-Клер к Саванне и дошли до ипподрома. Ч. Вордсворт сказал:

— А теперь давай ляжем на траву и посмотрим в небо, попробуй представить себе, как далеко от нас эти звезды.

Я попробовал и все понял. Я ощутил свое ничтожество, и в то же время еще ни разу в жизни я не чувствовал себя так возвышенно. Я забыл обиду, слезы и побои.

Когда я сказал, что мне лучше, он начал показывать мне звезды, и почему-то я особенно запомнил созвездие Ориона-охотника. Я хоть сейчас найду на небе Ориона, а все остальные звезды забыл.

Вдруг в лицо ударил свет, мы увидели полицейского и нехотя поднялись с травы. Полицейский спросил:

— Что вы здесь делаете?

— Вот уже сорок лет я задаю себе этот вопрос, — ответил Ч. Вордсворт.

Мы стали настоящими друзьями. Как-то Вордсворт сказал:

— Никому не рассказывай обо мне, и о манговом дереве, и о кокосовом дереве, и о сливе. Это секрет. Если ты проболтаешься, я все равно узнаю, потому что я поэт.

Я дал ему слово и сдержал его. Мне нравилась его комнатка. Мебели мало, но вид чистый и опрятный. Только одиноко в ней было.

Как-то я спросил:

— Мистер Вордсворт, почему вы не срубите кусты во дворе? Ведь из-за них в саду сыро.

— Послушай, что я тебе расскажу. Жили-были мальчик и девочка, и они полюбили друг друга. Так полюбили, что поженились. Оба были поэтами. Он любил слова. Она любила траву, цветы и деревья. Они счастливо жили в одной-единственной комнатке, и однажды девочка-поэт сказала мальчику-поэту: «У нас в семье будет еще один поэт». Но этот поэт на свет не появился, потому что девочка умерла, и маленький поэт умер вместе с ней. А ее муж очень опечалился и поклялся ничего не трогать в ее саду. И сад остался нетронутым и диким.

Я смотрел на Ч. Вордсворта, и мне казалось, что с каждым словом он стареет. Я все понял.

Мы вместе ходили на далекие прогулки. В Ботанический сад и в сад камней. Поздно вечером мы забирались на Чэнселлор Хилл и оттуда смотрели, как на Порт-оф-Спейн опускается тьма и в городе и на кораблях в гавани зажигаются огни.

Он все делал словно впервые в жизни, словно совершал религиозный обряд. Например, он говорил мне: «Хочешь мороженого?» Когда я отвечал, что хочу, Вордсворт с серьезным видом вопрошал: «Ну а какое кафе мы осчастливим?» Как будто это имеет значение. Но он долго размышлял и наконец говорил: «Пожалуй, рискнем начать переговоры в этой лавочке».

Мир наполнился чудесами.

Однажды, когда мы сидели у него во дворе, Вордсворт сказал:

— Сейчас я открою тебе великую тайну.

— Настоящую тайну?

— Да, сегодня она настоящая.

Мы посмотрели друг на друга.

— Запомни, это между нами. Я пишу поэму.

— А-а, — разочарованно протянул я.

— Это не просто поэма. Это величайшая поэма в мире.

Я присвистнул.

— Я пишу ее уже пять лет. Закончу года через двадцать два, конечно, если не сбавлю темп.

— Значит, вы много пишете?

— Уже нет. Я пишу одну строчку в месяц. Но непременно отличную строчку.

— А какую отличную строчку вы написали в прошлом месяце?

Он поднял глаза в небо и прочел: «П р о ш л о е б е з д о н н о».

— Красивая строчка.

— Я пытаюсь вместить впечатления целого месяца в эту единственную поэтическую строку. И тогда через двадцать два года будет готова поэма, обращенная ко всему человечеству.

Мое сердце наполнилось удивлением и восторгом.

Наши прогулки продолжались. Однажды мы шли вдоль дамбы у доков, и я спросил:

— Мистер Вордсворт, как вы думаете, если уронить булавку в воду, она поплывет?

— Мы живем в необыкновенном мире. Урони булавку, и посмотрим.

Булавка утонула.

Я спросил:

— Как поэма?

Но ни единой новой строчки он читать не стал. Просто сказал:

— Подвигается.

Иногда мы сидели на дамбе и смотрели, как лайнеры входят в гавань. Но о величайшей поэме в мире я больше не слышал.

— На что вы живете, мистер Вордсворт? — спросил я однажды.

— Ты имеешь в виду, откуда я беру деньги?

Когда я кивнул, он хитро рассмеялся.

[1] *Калипсо — тринидадский музыкально-песенный народный жанр с устойчивой ритмической структурой. — Примеч. ред.*

— Пою калипсо, когда приходит сезон.
— И этого хватает на весь год?
— Мне достаточно.
— Но когда вы напишете величайшую поэму в мире, вы ведь станете самым богатым человеком, да?
Он не ответил.

Однажды, придя к Вордсворту, я застал его в постели, такого старого и жалкого, что чуть не расплакался. Он сказал:
— Поэма не идет.

Он не смотрел на меня. Он смотрел в окно на кокосовое дерево и говорил так, словно меня и не было:
— В двадцать лет я чувствовал в себе силу... — Прямо у меня на глазах лицо его еще больше постарело и осунулось. — ...Но это было давно.

И тут... я почувствовал это так ясно, будто мать влепила мне оплеуху. Я отчетливо увидел то, что увидел бы любой другой на моем месте, — смерть на сморщенном лице.

Он посмотрел на меня, увидел мои слезы, приподнялся и сел на кровати.
— Иди сюда. — И я подошел и сел к нему на колени. Вордсворт посмотрел мне в глаза и сказал: — Ну вот, ты тоже видишь. Я всегда знал, что у тебя глаз поэта.

Казалось, ему не было ни капельки грустно, и от этого я громко разревелся.

Он прижал меня к впалой груди:
— Хочешь, я расскажу тебе смешную историю?
Я ничего не ответил.
— Когда я кончу рассказывать, обещай, что ты уйдешь и больше не придешь ко мне. Обещаешь?
Я кивнул.
— Вот и хорошо. Ну слушай. Помнишь, я рассказывал тебе историю про мальчика-поэта и девочку-поэта? Это была неправда. Я все придумал. И мои разговоры о поэзии и о величайшей поэме на свете тоже неправда. Ну разве не смешно?
Но голос его дрогнул.

Я сбежал по ступенькам и бросился домой. Я бежал и плакал обо всем на свете, как настоящий поэт.

Год спустя я проходил по Альберто-стрит, но не увидел и следа от дома поэта. Не то чтобы он просто исчез. Его сломали, и на этом месте построили большое двухэтажное здание. Манговое дерево, кокосовое дерево и сливу спилили, и все было выложено кирпичом и залито цементом.

Будто Ч. Вордсворта никогда и не существовало.

Перевела с английского
М. НИКОЛАЕВА

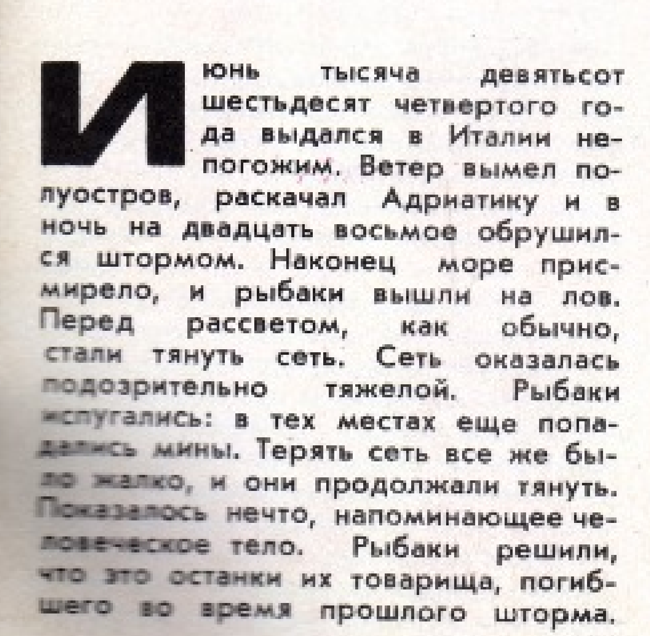
ПУТЕШЕСТВИЕ ЮНОГО АТЛЕТА

Брайан РОСТРОН,
американский журналист

«Ни в одной из европейских стран нет такого количества произведений искусства, как в Италии, и ни в одной стране мира не крадут больше произведений искусства, чем в Италии. За последние пять лет было украдено 28 тысяч картин, скульптур, других ценностей», — сказал известный итальянский детектив Родольфо Сивьеро, уже тридцать три года занимающийся розыском подобных пропаж.

Крадут из частных коллекций. Крадут из церквей. Крадут из государственных музеев: система охраны в них оставляет желать лучшего, так как у государства не хватает денег на охрану своего достояния. Крадут для перепродажи: богатые люди хорошо усвоили тот факт, что произведения искусства наилучшим образом спасают капиталы от инфляции. Крадут с целью шантажа. Потому что картины не выдают тайн и надежно гарантируют миллионы.

Детектив Родольфо Сивьеро говорит: «Италия — это страна с кисельными берегами и молочными реками для похитителей произведений искусства». И он может доказать свое утверждение многими фактами. Мы же публикуем статью из американского журнала «Сатердей ревью». Эту детективную историю расследовал журналист.



Июнь тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года выдался в Италии непогожим. Ветер вымел полуостров, раскачал Адриатику и в ночь на двадцать восьмое обрушился штормом. Наконец море присмирело, и рыбаки вышли на лов. Перед рассветом, как обычно, стали тянуть сеть. Сеть оказалась подозрительно тяжелой. Рыбаки испугались: в тех местах еще попадались мины. Терять сеть все же было жалко, и они продолжали тянуть. Показалось нечто, напоминающее человеческое тело. Рыбаки решили, что это останки их товарища, погибшего во время прошлого шторма. Предмет, облепленный ракушками и водорослями, втащили в лодку.

Это была бронзовая греческая статуя, пролежавшая на морском дне две тысячи лет.

В ноябре 1977 года статую оценили в 3,9 миллиона долларов: это самая дорогая статуя в мире. Автором ее считается греческий скульптор Лисипп, живший в четвертом веке до нашей эры. Профессор Римского университета Паоло Морено, автор двух книг о Лисиппе, полагает, что это статуя юного атлета, победителя Олимпиады. Профессор думает, что древние римляне похитили ее с горы Олимп, и корабль, на котором ее переправляли в Рим, затонул. Возможно, на этом корабле были и другие сокровища: сохранились свидетельства о том, что Лисипп создал около полутора тысяч бронзовых скульптур. Но до нашего времени дошли только копии его работ.

В июне 1964 года итальянские рыбаки нашли подлинник.

Рыбаки вернулись в свою деревушку Фано под Римини и тайком перетащили находку в дом капитана. Статую водрузили на кухонный стол и прислонили к стене. Через некоторое время морские животные начали разлагаться, запах стал невыносимым, и статую перенесли в сад за домом. Жители Фано часто находили греческие и римские вазы и продавали их по 200—300 тысяч лир. Власти обычно закрывали глаза на подобные проделки, но статуя — это совсем другое дело! Рыбаки знали, что они должны заявить о находке, так как по закону новонайденные предметы античного искусства считаются собственностью государства. Но упускать верный заработок им не хотелось. Они связались с местным реставратором мебели, который пообещал свести рыбаков с лицами, заинтересованными в подобных вещах. И вот появился первый покупатель. Он назвал себя Ренато Мерли из Имолы. Мерли осмотрел статую и тут же пожелал приобрести ее. Но Мерли был всего лишь мелким торговцем, и у него не оказалось при себе четырех миллионов лир — такую цену запросили рыбаки. Мерли обещал вернуться с деньгами, и ему вручили фотографию статуи — четыре на девять.

Спустя несколько дней Мерли привез деньги. Но рыбаки были в море, и жена капитана попросила зайти через два дня. Мерли испугался, как бы сделка, самая значительная в его жизни, не ускользнула. Все эти два дня он названивал жене капитана, угрожая заявить о находке властям, если статую продадут кому-то другому. Но когда в ночь на 17 августа Мерли пришел в дом капитана, статуи там уже не было. Запуганные рыбаки продали ее за час до появления незадачливого покупателя.

Мерли предлагал капитану деньги за то, чтобы он указал, кому продана статуя. Но капитан молчал. Каждый из восемнадцати участвовавших в том памятном лове рыбаков получил свою долю: чуть больше половины месячного заработка (200 тысяч лир), и больше о статуе они слышать не хотели.

Статую купил скромный антиквар из умбрийского городка Губбио Джиакомо Барбетти. Поначалу он не мог решиться на покупку. 15 августа он поехал назад в Губбио, чтобы показать фотографию статуи своему другу, доктору Пьеро Меничетти, большому знатоку искусства. Меничетти согласился съездить в Фано и осмотреть находку.

В прокуренной рыбацкой таверне ожидали они возвращения рыбаков. В девять тридцать вечера по кривым темным улочкам Фано они отправились в капитанский дом. После полуночи сделка была завершена: Джиакомо Барбетти уплатил три с половиной миллиона лир, и той же ночью статую погрузили в овощной фургон, перевезли в Губбио и спрятали в гараже Джиакомо.

Сейчас Джиакомо Барбетти 69 лет; у него длинное печальное лицо и мягкие старомодные манеры. Окружающие относятся к нему с уважением, но ни тонким экспертом, ни хорошим бизнесменом не считают. «Честный, — говорят о нем. — Слишком честный...»

В шестьдесят четвертом у Джиакомо не было необходимых для покупки денег, и он решил занять их у своего двоюродного брата Пьетро Барбетти, преуспевающего владельца цементной фабрики. Пьетро ровесник Джиакомо. Безупречно одетый, коренастый, усатый, он гордится своей репутацией современного динамичного предпринимателя. Он награжден орденом «За заслуги». Диплом о награждении висит в его офисе рядом с фотографией хозяина, на которой он снят вместе с бывшим президентом страны.

Пьетро не любит говорить о статуе. Он нервничает. «Джиакомо пришел ко мне в контору и попросил одолжить ему денег. Я дал. Я всего лишь промышленник и ничего не понимаю в искусстве». Тем не менее, когда выяснилось, что история со статуей пахнет хорошими деньгами, Пьетро вдруг заинтересовался искусством.

Джиакомо не смог отдать долг в установленный срок — к декабрю, и Пьетро со своим братом Фаббио забрали статую. Они поместили ее в доме священника дона Джиованни Нанги. Дон Джиованни укутал юного атлета красным покрывалом и положил в чулан под лестницей. И вот к дому скромного священ-

ника из Губбио началось паломничество дельцов от искусства.

Приезжали персоны уважаемые, приезжали персоны подозрительные. Одним из первых посетителей был Элия Боровски, известный торговец произведениями искусства из Базеля. Барбетти запросили с него тридцать миллионов лир. Боровски заявил, что не захватил с собой нужных для осмотра инструментов и потому не может точно определить возраст юного атлета. Сейчас Барбетти утверждают, что Боровски предполагал, что статуя — фальшивка, изготовленная в мастерской близлежащего городка Терни. А Боровски говорит, что не купил статую только потому, что при осмотре присутствовала целая толпа посторонних, в том числе местный доктор и священник дон Джиованни. «Я посмотрел на эту публику и подумал, что у меня будет слишком много проблем».

В дело вступает Альберто Минази, франтоватый делец сомнительной репутации. Весной шестьдесят пятого года к Минази обратился парижский торговец Николас Кутулакис. Они отправились в Губбио, встретились на цементной фабрике с Пьетро Барбетти. В дом священника поехали на разных машинах, «дабы не привлекать внимания».

«Кутулакис вел себя нерешительно, — говорит Минази. — Он предложил 50 миллионов лир, но Барбетти запросили сто миллионов». Месяц спустя Минази и Кутулакис вновь приехали в Губбио, но братья были непреклонны. Сто миллионов и ни лирой меньше. Кутулакис решил выйти из игры. Теперь он говорит, что вообще ничего не знает о статуе и что все эти разговоры ведутся для того, чтоб очернить его. «Я даже не знаю, где это Губбио находится». О Минази он отозвался так: «Ну он, как бы вам сказать, несерьезный человек...»

22 апреля 1965 года в полицейское отделение Перуджи пришло анонимное письмо. Место отправления — Губбио. В письме говорилось, что Пьетро Барбетти ездил в Западную Германию по поводу продажи статуи. Но в письме не было информации о том, где прячут юного атлета. Письмо было подписано «Любитель искусства и патриот».

Полицейскому инспектору Ла Рокка поручили провести «секретное расследование». Во время майского карнавала Ла Рокка предпринял «психологическую разведку» — побеседовал об искусстве с Пьетро Барбетти. Инспектор утверждает, что он ни словом не обмолвился о статуе. Потом инспектор встретился с доктором Пьеро Меничетти — если помните, это тот самый знаток искусства, с которым другой Барбетти приезжал в Фано. Меничетти сказал, что ничего о статуе не знает.

В мае следующего года — именно тогда, когда началось первое судебное разбирательство по поводу статуи, — полицейского инспектора Ла Рокка перевели в Турин. Ла Рокка считает, что его перевод был впрямую связан с делом юного атлета. «Меня намеренно отстранили от дела, и я упустил нить расследования, — говорит инспектор. — Я до сих пор не могу себе этого простить».

Тем временем в Риме делец Альберто Минази, поняв, что ему все же не удастся заработать на статуе, донес обо всем римским властям. И вот 24 июня 1965 года в десять утра три римских карабинера прибыли в дом священника в Губбио. В десять пятьдесят осмотр был закончен. В чулане под лестницей карабинеры нашли только красное покрывало.

На первом допросе в полиции все трое Барбетти отрицали какое-либо свое участие в судьбе юного атлета: «Мы вообще впервые о нем слышим». Но священник признался, что статуя хранилась в чулане. Священник также сказал, что Пьетро Барбетти вывез статую дней за пятнадцать до обыска. «Где она сейчас, я не знаю», — заявил дон Джиованни.

В полицейском донесении говорилось, что статуя либо все еще находится в руках Барбетти, либо они ее уже продали. Тем не менее дома братьев Барбетти ни разу не обыскивались!

Сейчас почти установлено, что юный атлет не покидал Губбио до 1967 года, когда состоялось второе разбирательство этого дела. Когда позже журналисты попросили Барбетти-антиквара дать разъяснения, он признался: «К тому времени у меня статуи больше не было. Ее у меня украли».

Украли?

«Да, в переносном смысле. Пойдите и спросите об этом у моих двоюродных братьев. Они ведь забрали у меня статую и сами продали».

Джиакомо вот уже несколько лет не разговаривает с Пьетро. «Меня вся эта история просто из колеи выбила. Как я мог не доверять своему собственному брату? Он почуял лакомый кусочек и вот... — Джиакомо печально улыбается. — Вся эта история ну просто детектив... И в результате я остался с пустыми руками».

Хотя полиция и не нашла статуи, в мае 1966 года против братьев Барбетти и священника было возбуждено судебное дело. Их обвиняли в тайном приобретении произведения античного искусства с целью перепродажи и нанесения ущерба государству. Барбетти защищались, утверждая, что, во-первых, статуя была выловлена в ничейных водах, во-вторых, она не представляет большой ценности.

Суду предъявили письмо от адвоката Элии Боровски. «Мой клиент сомневается в подлинности работы», — писал адвокат.

Поскольку не было юного атлета, не было и прямой улики. Описания бронзовой статуи были столь смутными, что судебный клерк даже обозначил ее как «статуэтку». Всех четверых признали невиновными, «поскольку не было доказательств их вины». Барбетти потребовали пересмотра дела: они хотели полного оправдания.

В январе 1967 года апелляционный суд Перуджи вновь возбудил дело о юном атлете. На этот раз Барбетти обвиняли «в умышленном утаивании от суда сути дела». К тому же показания братьев были слишком противоречивы. Суд пришел к заключению, что статуя представляла определенную ценность. Всех Барбетти приговорили к четырем месяцам тюрьмы и к штрафу в 50 тысяч лир. Священнику дону Джиованни дали два месяца за укрывательство и соучастие.

Тем не менее исполнение приговора было отсрочено.

После 1967 года статую вывезли из Италии. Как это удалось сделать, остается загадкой. По одной из версий, юный атлет покинул Губбио на судне с медикаментами, подаренными миссионерам, направлявшимся в Латинскую Америку.

Итальянские антиквары считают, что тайный вывоз из страны примерно 200-килограммовой бронзовой статуи в человеческий рост совсем не проблема. «Я могу назвать вам имена людей, которые вывезут что угодно, — сказал один римский антиквар. — Это лишь вопрос денег». Базельский торговец Элия Боровски говорит: «Если я завтра пожелаю вывезти — легально, заметьте, — папу Римского с его тиарой — два телефонных звонка, и дело сделано».

А Барбетти все добивались полного своего оправдания. В мае 1968 года дело слушалось в римском кассационном суде. Адвокат построил всю защиту на том, что сама статуя никогда не фигурировала в качестве улики. Кассационный суд передал дело в римский апелляционный суд, рекомендуя последнему снять обвинение с Барбетти:

«Так как статуя не была представлена, вследствие чего нельзя было определить, является ли она предметом художественного, исторического или археологического интереса, а также вследствие того, что неизвестно, была ли она украдена откуда-либо или найдена случайно, приговор должен быть аннулирован

за недостатком юридических оснований».

В ноябре 1970 года, после пяти лет судебных баталий, которые стоили государству около 20 миллионов лир, братья Барбетти и священник были оправданы римским апелляционным судом по причине отсутствия состава преступления.

Но вот что странно: главного свидетеля обвинения в суд так и не вызвали. Я имею в виду римского дельца Альберто Минази, который и сообщил властям о существовании статуи юного атлета. Он говорит: «Меня ни разу официально не допрашивали. Такое впечатление, что меня намеренно держали в стороне. А я был готов под присягой заявить о существовании статуи и попытаться определить ее истинную ценность».

Суть дела состояла в том, что статую никогда не предъявляли суду: таким образом, как сказал один итальянский юрист, «слона замаскировали под мышонка». Другой юрист воздел очи к небу и философски заметил: «Италия была колыбелью закона. Теперь она могила юстиции».

По странному стечению обстоятельств, как раз в то время, когда шли заседания римского апелляционного суда, статуя, покрытая засохшими водорослями, ракушками и «еще бог знает чем», вынырнула в Лондоне. Ее видел там Дэвид Кэррит, глава лондонского отделения «Артемиса», международного консорциума торговцев произведениями искусства. Хотя «Артемис» специализируется на Ренессансе и постренессансе, не обратить внимания на уникальную работу Лисиппа они, естественно, не могли.

Сначала Дэвид Кэррит отказался разговаривать со мной. Тем не менее позже он все же решил пояснить мне, что не имеет никакого отношения к приобретению «Артемисом» юного атлета: «Наш «Артемис» был организован в 1970 году, уже после того, как произошел возможный незаконный вывоз статуи из Италии. Мы купили скульптуру только после предварительных долгих совещаний с юристами. Мое же участие в деле заключалось только в том, что я должен был определить реальную ценность работы. Об условиях сделки я ничего не знаю».

Статую для «Артемиса» купил в 1971 году мюнхенский представитель консорциума, который заявил, что она попала к нему «из одной южноамериканской частной коллекции». Один из знающих условия сделки людей (он запретил упоминать его имя из боязни быть замешанным в судебном деле) рассказал, что «Артемису» продали всю коллекцию скопом, и статую «в том числе»: подобный акт позволял скрыть происхождение юного атлета.

Статую поместили для реставрации в мюнхенскую мастерскую. Работа заняла около года. Затем ее предложили европейским и американским музеям и частным коллекциям. В декабре 1972 года в Мюнхен приехал директор нью-йоркского музея «Метрополитэн». «Я долго смотрел на нее. Я трогал ее руками, я ощущал ее теплоту. Я не мог отвести от нее глаз», — говорит он. В марте 1973 года директор заявил корреспонденту «Нью-Йорк таймс», что музей не может позволить себе сомнительное в юридическом смысле приобретение. Музей смущала вовсе не цена — три с половиной миллиона долларов: только-только отгремело эхо скандала с покупкой греческой вазы, на которую предъявили права итальянцы — они утверждали, что ваза была похищена из этрусского захоронения и тайком вывезена из Италии. «Метрополитэн» не мог позволить себе еще одну подобную историю.

Основным претендентом на юного атлета стал миллиардер Дж. Поль Гетти. Элия Боровски вспоминает, что Гетти позвонил ему в Базель весной семьдесят второго. «Я знаю, — сказал Гетти, — что вы видели эту вещь. Она действительно греческая?» И хотя Боровски представил, как вы помните, суду в Перудже письмо, в котором говорилось, что статуя скорее всего поддельная, на этот раз он посоветовал Гетти «заплатить за нее не больше двух миллионов». Гетти посетил студию в Мюнхене и твердо решил приобрести бронзу для своего музея.

Но он все же чувствовал в юном атлете нечто сомнительное и решил проконсультироваться с римской юридической фирмой. Самое главное было узнать: может ли вердикт римского апелляционного суда от 1970 года служить легальным основанием для купли-продажи статуи за границей Италии? Юрист фирмы ответил, что вердикт этот вряд ли является гарантией, но что «при правильном ведении дело может быть выиграно».

Когда новость о том, что статуя находится в Мюнхене, просочилась в прессу, молодой судья из Губбио решил все же провести следствие по делу о незаконном вывозе ее из Италии. Расследование зашло в тупик: мюнхенский представитель «Артемиса» отклонил предложение о сотрудничестве, а баварские власти запретили итальянской полиции провести допрос. Дело вновь было закрыто.

В ноябре 1977 года, через год после смерти Гетти, попечители его музея все же купили статую Лисиппа за 3,9 миллиона долларов. И «Артемис» и музей все время утверждали, что они имеют полное право на совершение этой сделки, хотя ни разу не приводили доказательств этого права. Джири Фрей, куратор античного отдела музея, сказал даже, что нет никаких доказательств того, что статуя вообще когда-либо была в Италии! «Все твердят о каком-то разрешении на вывоз статуи из Италии, но докажите мне, пожалуйста, что статуя вообще где-нибудь до Лондона появлялась!»

Совет попечителей музея заявил мне, что их право на обладание статуей основывается на заключении римского апелляционного суда от 1970 года, согласно которому якобы доказано, что статуя в действительности никогда не принадлежала Италии. «Она была в Италии, если можно так выразиться, проездом. Она никогда не была частью итальянской культуры».

Итальянская полиция все еще пытается проследить путь юного атлета по Италии. Но этому мешают бюрократические препоны и междепартаментские склоки внутри самой полиции и заговор молчания, в котором участвуют все торговцы произведениями искусства. Заговор, мало чем отличающийся от мафиозной «омерты».

Ренато Мерли, который, как вы помните, на час опоздал в 1964 году, рассказывает, что, когда его вызвали для беседы в римскую полицию, тут же раздался телефонный звонок и зловещий голос угрожал ему расправой, если он даст хоть какие-то сведения.

Альберто Минази не расстается с оружием.

В прокуренной рыбачьей таверне в Фано смолкают разговоры, стоит лишь кому-то упомянуть имя Лисиппа. «Мы должны молчать, — сказал мне один из рыбаков. — Это опасное дело».

А базельский торговец Элия Боровски говорит: «Если бы статуя оставалась в Италии, она до сих пор валялась бы в каком-нибудь чулане, облепленная ракушками и водорослями. Повторяю, если бы не было людей, захотевших заработать на ней гроши, если бы в дело не включились люди, захотевшие заработать чуть больше, если бы не появились те, кто пожелал на ней заработать тысячи, потом миллионы... статуя все еще лежала бы в чулане где-то в Италии. Вы меня понимаете?»

Понятно. Понятно еще и вот что: тех, кто заработал на юном атлете гроши, хотя бы к суду привлекали. Зато тем, кто заработал миллионы, вопросов вообще не задавали и не задают.

И хотя путешествие юного атлета началось две тысячи лет назад, оно вряд ли окончилось. Слишком он для этого хорош...

Перевела с английского
Н. РУДНИЦКАЯ

Олимпийский гимн, написанный греческим композитором Спиро Самара в 1896 году, по замыслу автора, должен звучать торжественно и величаво, как звучал бы на первых Играх в Древней Греции.

Автор достиг этой цели: так его гимн и звучит над планетой на исходе XX века.

Вы можете судить об этом по переводу Роберта Рождественского.

ОЛИМПИЙСКИЙ ГИМН

Античности бессмертный дух, твои просят дети:
Поскорей настань, в небесах сверкни, сердца нам озари!
Античности прекрасный дух, ты явись вечной планете
Во славу и во имя всей, всей доброй Земли!

Метанье камня и борьба, и споры в быстром беге,
Узнай, кто в честной схватке лучшим и первым стал.
Венчай его венком торжественным, венчай его венком
Победы!
Пусть будет он достоин — герой — встать на пьедестал!
Пусть будет он достоин встать на пьедестал!

Засверкал земной простор,
Реки и долины, и вершины гор.
Снова распахнут всем ветрам
Этот солнечный храм!
Бессмертный, гордый дух античности —
Огонь пламенный и вечный.

Ты горишь у человечества в судьбе,
И недаром поклоняется тебе,
Каждый народ,
Каждый народ!
Каждый народ тебя хранит
И вся Земля!

Индекс 70781
Цена 25 коп.